

СТИВЕН

ЖРЕБИЙ САЛЕМА

КИНГ

Стивен Кинг

Жребий Салема

«АСТ»

1975

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Жребий Салема / С. Кинг — «АСТ», 1975

ISBN 978-5-17-088846-7

Все началось с того, что в провинциальном американском городке стали пропадать люди – поодиночке и целыми семьями. Их не могли найти ни родственники, ни даже полиция. А когда надежда, казалось, исчезла навсегда, пропавшие вернулись, и городок содрогнулся от ужаса...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088846-7

© Кинг С., 1975
© АСТ, 1975

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	16
Глава третья	33
Глава четвертая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стивен Кинг Жребий Салема

Stephen King
SALEM'S LOT

© Stephen King, 1975

© Перевод. В. В. Антонов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Посвящается Наоми Рэйчел Кинг
«...выполняя обещание»*

От автора

Никто не пишет объемный роман в одиночку, и я хотел бы начать с благодарности тем людям, которые помогли мне создать это произведение. Особую признательность мне хотелось бы выразить Г. Эверетту Маккатчону из Хэмпденской академии за его практические советы и поддержку; доктору Джону Пирсону из Олд-Тауна, штат Мэн, – судебно-медицинскому эксперту округа Пенобскот и замечательному врачу общей практики – самой лучшей медицинской специальности; отцу Ренальду Холли из католической церкви Святого Иоанна в Бангоре, штат Мэн. И, конечно, моей жене – за твердость и решительность при высказывании критических замечаний.

Несмотря на то что города, окружающие Салемс-Лот, действительно существуют, он сам является исключительно плодом воображения автора, и любое сходство населяющих его персонажей с реальными людьми будет случайным и непреднамеренным.

Стивен Кинг

Пролог

*Мой старый друг, чего ты ищешь?
Ты возвратился из чужих краев,
Где образы далеких дней минувших
Хранил ты в сердце бережно и верно
В скитаньях многолетних по чужбине.*

Георгос Сеферис

1

Многие принимали мужчину и мальчика за отца с сыном.

Они проехали через всю страну на стареньком «ситроене», стараясь держаться околных путей, ведущих на юго-запад, и делая вынужденные остановки. В трех местах, где высокий мужчина с темными волосами устраивался на работу, они задержались надолго. В Род-Айленде он трудился на ткацкой фабрике. В Янгстауне, штат Огайо, три месяца проработал на конвейере по сборке тракторов, а в маленьком калифорнийском городке на границе с Мексикой – на бензоколонке и в автомастерской по ремонту иностранных автомобилей, где удалось заработать даже больше, чем он рассчитывал.

Везде, где они останавливались, мужчина покупал портлендскую газету «Пресс геральд» и искал там заметки о маленьком городке Джерусалемс-Лот или его окрестностях на юге штата Мэн. Иногда такие заметки попадались.

Еще до приезда в Сентрал-Фоллс, штат Род-Айленд, мужчина составил план-проспект романа и отправил почтой своему литературному агенту. Давным-давно, еще до того как его жизнь окутала черная мгла, он был довольно успешным писателем. Агент переслал план-проспект его последнему издателю, который проявил вежливый интерес, однако желания выплатить аванс не выказал. Мужчина разорвал письмо агента с этими неутешительными новостями, пояснив мальчику, что «спасибо-пожалуйста» на хлеб не намажешь.

Он произнес это без всякой горечи, и за книгу все равно сел.

Мальчик говорил мало. Его лицо сохраняло какое-то загнанное выражение, а сумрачный взгляд, казалось, был неизменно обращен внутрь. В закусных и на заправках, где они останавливались, мальчик держался подчеркнуто вежливо. Он старался не выпускать мужчину из виду и, казалось, начинал нервничать, даже если тот отлучался в туалет. Он отказывался говорить о городке Джерусалемс-Лот, хотя мужчина время от времени и поднимал эту тему, и не читал портлендских газет, которые тот специально оставлял на виду.

Книга была закончена, когда они жили в пляжном домике в стороне от шоссе. Они много купались, и воды Тихого океана были теплее и ласковее Атлантики. К тому же они не навевали никаких воспоминаний. Мальчик сильно загорел.

И хотя они жили вполне прилично, хорошо питались и имели крышу над головой, мужчина явно начинал испытывать дискомфорт от такого образа жизни. Он сам занимался обучением мальчика, который ни в чем не отставал от своих сверстников, посещавших школу (мальчик все схватывал на лету и любил читать, как и сам мужчина в его возрасте), но мужчине казалось, что намеренное вычеркивание Салемс-Лота из жизни приносило мальчику больше вреда, чем пользы. Тот по-прежнему кричал во сне и сбрасывал на пол одеяло.

Из Нью-Йорка пришло письмо от агента, в котором сообщалось, что издательство «Рэндом хаус» готово выплатить двенадцать тысяч долларов аванса и гарантировало продажи романа через «клубы книголюбов».

Было ли это хорошо?

Да, было.

Мужчина бросил работу на бензоколонке, и они с мальчиком пересекли границу.

2

Маленький поселок рядом с океаном назывался Лос-Сапатос, что на испанском означает «башмаки» (мужчину это название чрезвычайно забавляло). Туристы редко посещали это селение из-за отсутствия хорошей дороги, каких-либо достопримечательностей, да и вид на океан не особо впечатлял (не то что через пять миль дальше на запад). К тому же единственный бар кишел тараканами, а своим телом торговала только одна пятидесятилетняя женщина, уже имевшая внуков.

За пределами Штатов оба ощутили почти неземной покой. Над головами редко слышался шум самолетов, никаких тебе скоростных шоссе, и на сотни миль кругом ни единой газонокосилки (или никто не отваживался ее приобрести). У них имелся радиоприемник, правда, толку от него было мало: все новостные выпуски велись на испанском, который мальчик уже начал понимать, но для мужчины этот язык оставался – очевидно, так будет до конца жизни – сплошной тарабарщиной. Все музыкальные передачи были похожи на оперу, но вечерами иногда удавалось поймать станцию с поп-музыкой из Монтерея, где голос неистового Вольфмана Джека то и дело пропадал из-за плохого сигнала. Единственным источником шума двигателя мог быть только допотопный культиватор одного местного фермера. При подходящем ветре его доносившийся порывами неровный захлебывающийся рокот напоминал завывания потревоженного привидения. Воду они набирали из колодца вручную.

Два или три раза в месяц (не всегда вместе) они посещали мессу в маленькой городской церквушке. Хотя смысл происходящих во время обряда действий оставался для них загадкой, они все равно продолжали ходить. Однажды в воскресенье мальчик пришел на хлипкую заднюю веранду, где мужчина начал работу над романом, и нерешительно сообщил, что обратился к священнику с просьбой принять его в церковную общину. Мужчина кивнул и поинтересовался, достаточно ли он владеет испанским, чтобы понимать наставления. Мальчик заверил, что такой проблемы не будет.

Раз в неделю мужчина ездил в город за сорок миль, чтобы достать портлендскую газету, которая всегда оказывалась недельной давности, иногда с желтыми разводами – это говорило о том, что упаковку опять описала собака. Через две недели после того, как мальчик сообщил о своем намерении, мужчина нашел в газете большую статью о Салемс-Лоте и вермонтском городке Момсен. В статье упоминалось имя мужчины.

Он оставил статью на видном месте, не особенно надеясь, что мальчик ее прочитает. Статья встревожила его по целому ряду причин. Судя по всему, события в Салемс-Лоте имели продолжение.

На следующий день к мужчине подошел мальчик с газетой в руке, сложенной так, что был виден заголовок: «Город-призрак в Мэне?».

– Мне страшно, – сказал мальчик.

– Мне тоже, – отозвался высокий мужчина.

3

ГОРОД-ПРИЗРАК В МЭНЕ?

Джон Льюис,
обозреватель «Пресс геральд»

Небольшой городок Джерусалемс-Лот расположен восточнее Камберленда, в двадцати милях к северу от Портленда. Он не первый и, надо полагать, не последний в истории страны город, брошенный жителями и обреченный на забвение, однако, без сомнения, относится к разряду самых необычных. Города-призраки довольно часто встречаются на юго-западе Америки: там вокруг золотых и серебряных приисков практически мгновенно возникали поселки, а когда жилы истощались, поселения также быстро уходили в небытие, оставляя обезлюдевшие магазины, гостиницы и салуны гнить в пустынной тишине.

В Новой Англии единственным аналогом загадочно опустевшего Джерусалемс-Лота – или Салемс-Лота, как его часто называют местные жители, – является маленький городок Момсен в штате Вермонт. Летом 1923 года он неожиданно опустел, лишившись всех своих 312 жителей. Дома и магазинчики в центре города по-прежнему стоят на своих местах, но за пятьдесят два года с того памятного лета их так никто и не облюбовал. Кое-откуда вывезли мебель, но в большинстве домов все осталось на своих местах, как будто среди бела дня их жители были унесены каким-то чудовищным ураганом. В одном доме по-прежнему накрыт к ужину стол, на котором стоит ваза с давно засохшими цветами. В другом – все еще аккуратно разобраны постели для сна. В магазинчике на прилавке лежит полусгнивший отрез ткани, а в кассовом аппарате торчит чек на один доллар двадцать два цента. В ящике кассы полицейские обнаружили нетронутыми почти пятьдесят долларов.

Люди в округе любят развлекать туристов рассказами о привидениях, которыми населен город. Но на самом деле Момсен мог опустеть потому, что находится в глухом уголке штата и удален от основных дорог. В нем нет ничего, что выделяло бы его из сотен других похожих городков, если не принимать во внимание загадочное исчезновение жителей, похожее на тайну «Марии Целесты»¹.

То же самое можно сказать и про Джерусалемс-Лот.

Согласно данным 1970 года в городе проживало 1319 человек, что означало увеличение населения на 67 человек по сравнению с результатами предыдущей переписи, проведенной десятью годами раньше. В этом уютном провинциальном городке никогда не происходило ничего знаменательного. Старики, собиравшиеся посудачить в парке или в закуской на рынке, чаще всего вспоминали, как в 51-м из-за неосторожно брошенной спички случился чуть ли не самый опустошительный в истории штата лесной пожар.

Если, выйдя на пенсию, вы хотите провести остаток жизни в маленьком провинциальном городке, где никто не будет лезть в душу, а самым большим событием является конкурс домохозяек на лучшую выпечку, то Салемс-Лот отлично для этого подходит. Перепись 1970 года показала типичную демографическую ситуацию, столь хорошо известную как социологам, так и старожилам маленьких городков штата Мэн: много стариков, много бедных и много молодежи, которая уезжает, прихватив дипломы, чтобы никогда больше не вернуться обратно.

Однако чуть больше года назад в Джерусалемс-Лоте начало происходить нечто странное. Население стало таять на глазах, хотя, конечно, большинство жителей вовсе не исчезли в буквальном смысле слова.

Бывший констебль города Паркинс Гиллеспи живет у сестры в Киттери. Владелец автозаправки напротив аптеки Чарлз Джеймс сейчас держит ремонтную мастерскую в соседнем Камберленде. Паулин Диккенс переехала в Лос-Анджелес, а Рода Кэрлесс трудится в миссии Святого Матфея в Портленде. Этот список можно продолжать и дальше.

¹ Судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 г. в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Вместе с тем единодушное нежелание – или неспособность – бывших жителей Салемс-Лота говорить о том, что там произошло, представляется крайне загадочным и интригующим. Так, отвечая на прямой вопрос, Паркинс Гиллеспи взглянул на журналиста, закурил сигарету и сказал: «Я просто решил уехать». Чарлз Джеймс объяснил, что покинул Салемс-Лот из-за пришедшего в упадок бизнеса. Паулин Диккенс, долгие годы проработавшая официанткой в кафе «Экселлент», так и не ответила на запрос редакции, а мисс Кэрлесс вообще отказывается говорить о Салемс-Лоте.

Некоторые исчезновения вполне поддаются разумному объяснению. Так, местный агент по торговле недвижимостью Лоренс Крокетт исчез вместе с женой и дочерью, оставив после себя немало сомнительных сделок, включая, в частности, продажу участка, на котором сейчас возводится портлендский торговый центр. Ройс Макдугалл с женой, тоже исчезнувшие в неизвестном направлении, потеряли в начале года своего новорожденного сына, так что их в городе ничто не держало и сейчас они могут быть где угодно. Подобных примеров можно перечислить немало. Начальник полиции штата Питер Макфи так описал ситуацию: «Мы объявили в розыск множество жителей Джерусалемс-Лота, но этот город отнюдь не единственный в штате Мэн, где исчезают люди. Ройс Макдугалл, к примеру, остался должен банку и двум финансовым компаниям... Думаю, что он обычный мошенник, набравший кредитов и сбежавший от долгов. Не в этом году, так в следующем, но он непременно попытается расплатиться одной из таких кредиток, и тогда мы его обязательно накроем. В Америке пропавшие без вести – такая же обычная вещь, как и вишневый пирог. Мы живем на колесах. Люди ищут, где лучше, и снимаются с мест каждые два-три года. И нередко забывают оставить свой новый адрес. Особенно бездельники».

И все же, хотя в словах капитана Макфи определенно есть здравый смысл, вопросов, связанных с исчезновением людей в Джерусалемс-Лоте, остается немало. Исчез Генри Питри вместе с женой и сыном, а мистера Питри, занимавшего руководящий пост в страховой компании «Пруденшиал», вряд ли можно отнести к бездельникам. В пугающе длинном списке пропавших без вести числятся и владелец похоронного бюро, и библиотекарь, и косметолог.

В соседних городках уже ходят нехорошие слухи, что в Салемс-Лоте нечисто. Иногда поступают сообщения о разноцветных огнях над высоковольтными линиями в черте города, и если высказать предположение, что жителей уносят НЛО, никто смеяться не станет. Поговаривают, что в Салемс-Лоте орудовала секта сатанистов, которая устраивала там черные мессы, чем, возможно, и навлекла на город, носящий имя самого святого места Палестины, гнев Господа. Те, кто не склонен искать причины случившегося в сверхъестественном, вспоминают, как три года назад в Хьюстоне, штат Техас, исчезли несколько молодых людей, а потом их тела были обнаружены в жутких общих могилах.

После посещения Салемс-Лота подобные догадки уже не кажутся столь дикими. Универсальный магазин Спенсера, продержавшийся дольше других, закрылся в январе. Заколочены досками окна и двери магазинов аграрных принадлежностей Кроссена, скобяных товаров, мебельного – Барлоу и Стрейкера, кафе «Экселлент» и даже здания городского совета. Пустуют новое здание начальной школы и построенная в 1967 году средняя школа, рассчитанная на учащихся трех городов. Школьную мебель и книги вывезли в Камберленд, где временно организовали занятия, пока на референдуме местных жителей не решится вопрос о местонахождении новой школы. Однако вряд ли в новом учебном году там появятся дети из Салемс-Лота. Детей в городе нет, а есть только брошенные дома, пустые магазины, заросшие лужайки газонов и безлюдные улицы.

Полиция пытается разыскать или хотя что-то узнать о судьбе следующих жителей Салемс-Лота: пастора методистской церкви Джона Гроггинса; приходского священника церкви Святого Андрея отца Дональда Каллахэна; вдовы Мейбл Уэртс, принимавшей активное уча-

стие в церковной и общественной жизни города; супругов Лестера и Гэрриетт Дэрхэм, работавших на ткацкой фабрике; хозяйки пансиона Евы Миллер...

4

Через два месяца после выхода статьи мальчика приняли в церковную общину. Он исповедался и рассказал все без утайки.

5

Священник был седым стариком с иссушенным солнцем морщинистым лицом, на котором светились удивительно живые голубые глаза, выдававшие ирландскую кровь. Когда в его доме появился мужчина, священник сидел на веранде и пил чай. Рядом с ним стоял человек, одетый по-городскому. Его волосы были намазаны бриллиантином и аккуратно расчесаны на прямой пробор, делая его похожим на ожившую фотографию конца девятнадцатого века.

– Меня зовут Хесус де ла рэй Муньос, – сухо представился он. – Отец Грасон попросил меня быть переводчиком, поскольку он не говорит по-английски. Отец Грасон оказал моей семье очень важную услугу, суть которой я не имею права разглашать. И все, что он захочет обсудить, я сохраню в такой же тайне. Вас это устраивает?

– Вполне, – подтвердил высокий мужчина и пожал руку сначала Муньосу, а затем Грасону.

Грасон ответил по-испански и улыбнулся. У него осталось всего пять зубов, но улыбка была доброй и открытой.

– Он спрашивает, не хотите ли чаю. Это зеленый чай. Он очень освежает.

– С удовольствием.

Когда обмен любезностями закончился, священник сказал:

– Мальчик не ваш сын.

– Нет.

– На исповеди он рассказывал очень странные вещи. По правде сказать, мне никогда не приходилось слышать ничего подобного.

– Меня это не удивляет.

– Он плакал, – продолжил отец Грасон, сделав глоток. – Его плач был ужасным и шел от самого сердца. Должен ли я задать вопрос, который у меня невольно возникает в связи с тем, что я услышал на исповеди?

– В этом нет необходимости, – ровным голосом произнес высокий мужчина. – Он говорил правду.

Грасон кивнул, даже не успев услышать перевод, и выражение его лица стало серьезным. Подавшись вперед и зажав коленями сцепленные пальцы, он говорил долго. Муньос напряженно слушал, сохраняя на лице бесстрастное выражение. Когда священник закончил, он перевел:

– Отец говорит, что в мире много странного. Сорок лет назад крестьянин из Эль-Грани-онес принес ему ящерицу, которая кричала женским голосом. Он видел человека со стигматами точь-в-точь как у распятого Господа нашего Иисуса Христа, и эти раны кровоточили в Страстную пятницу. Он говорит, что это проявление чего-то темного и ужасного. И оно опасно и для вас, и для мальчика. Особенно для мальчика. Это гложет его изнутри. Он говорит...

Грасон снова что-то произнес, но на этот раз коротко.

– Он спрашивает, понимаете ли вы, что сделали в этом Новом Иерусалиме.

– Джерусалемс-Лоте, – поправил высокий мужчина. – Да, я понимаю.

Грасон снова заговорил.

- Он спрашивает, что вы собираетесь делать дальше.
- Высокий мужчина покачал головой.
- Я не знаю.
- Он говорит, что будет за вас молиться.

6

Через неделю мужчина проснулся весь в поту от ночного кошмара и, позвав мальчика, сказал:

- Я возвращаюсь.
- Даже загар не мог скрыть, как побледнел мальчик.
- Ты поедешь со мной? – спросил высокий мужчина.
- Ты меня любишь?
- Господи! Конечно!
- Мальчик заплакал, и высокий мужчина обнял его.

7

Но уснуть мужчина так и не смог. Перед глазами продолжали мелькать лица разных людей, будто затуманенные снежной пеленой, и когда по крыше от порыва ветра заскребла ветка, мужчина вздрогнул.

Джерусалемс-Лот.

Мужчина прикрыл рукой глаза, и все начало возвращаться. Он почти что видел наяву стеклянное пресс-папье, в котором поднимается маленькая буря, стоит только его встряхнуть.

Джерусалемс-Лот...

Часть первая Марстен-Хаус

Ни один живой организм не может постоянно поддерживать связь с реальностью: даже жаворонки и кузнечики – и те, по мнению некоторых, иногда грезят. Хилл-Хаус стоял на холме, храня в своих стенах мрак: он простоял там восемьдесят лет и мог простоять еще столько же. Стены по-прежнему были ровными, кирпичи не крошились и не вываливались, полы сохранили прочность, а двери были благоразумно затворены. Среди камня и дерева царила тишина, и что бы там ни блуждало, оно блуждало в одиночестве.

Ширли Джексон. Призраки дома на холме

Глава первая Бен (I)

1

Двигаясь по шоссе на север, Бен Миерс миновал Портленд, чувствуя приятное волнение. Было 5 сентября 1975 года, и уходящее лето еще заявляло о себе пышной зеленью и мягкой лазурью высокого неба. Проехав городок Фалмут, он увидел двух мальчишек, идущих по тропинке вдоль шоссе с удочками на плечах, пристроенными на манер карабинов.

Снизив скорость до минимально разрешенной на скоростном шоссе, Бен принялся поглядывать по сторонам в надежде увидеть нечто способное оживить воспоминания детства. Однако ничего такого на глаза не попадалось и он постарался заранее подготовить себя к почти неизбежному разочарованию. *Тебе тогда было всего семь лет. С тех пор минуло четверть века. Места меняются. Как и люди.*

В те дни автомагистрали 295 не существовало. Из Салемс-Лота до Портленда добирались сначала по шоссе 12 до Фалмута, а уже оттуда – по магистрали 1. Время не стоит на месте.

Хватит молоть вздор!

Легко сказать! Особенно учитывая...

По соседней полосе мимо него неожиданно проскочил мощный мотоцикл фирмы «Биз-эс-эй». За высоким рулем сидел парень в футболке, а за ним – девушка в красной куртке и больших зеркальных очках. Мотоцикл, вильнув, слегка подрезал Бена, и тот рефлекторно ударил по тормозам и нажал на клаксон обеими руками. Мотоцикл, взревев, выпустил облако дыма и умчался вперед, а девушка на прощание показала Бену средний палец, сообщая таким образом все, что о нем думает.

Бен снова набрал скорость. Руки слегка дрожали, и хотелось курить. Мотоцикл уже почти исчез из вида. Проклятые подростки! Чувствуя, что на него вот-вот нахлынут воспоминания из не такого далекого прошлого, он усилием воли прогнал их. Бен не садился на мотоцикл уже два года и не думал, что когда-нибудь снова сядет.

Слева мелькнуло что-то красное, и, повернув голову, он с радостью увидел знакомое строение. На холме посреди клеверного поля возвышался огромный красный амбар: даже отсюда было видно, как блестел на солнце флюгер, венчавший его белый купол. Амбар был

здесь раньше, стоял и теперь. И ничуть не изменился! Может, он все-таки приехал сюда не зря. Затем строение скрылось за деревьями.

В Камберленде знакомых мест стало попадаться больше. Бен пересек реку Ройал, где они в детстве ловили форель и шурят. За деревьями промелькнули дома Камберленд-Виллидж. Вдали показалась водонапорная башня с огромной надписью: «Сохраним штат Мэн зеленым!». Тетя Синди всегда говорила, что под ней так и просится приписка: «Не скупитесь на пожертвования».

Он прибавил скорость, чувствуя, как нарастает волнение – скоро должен показаться дорожный знак. И через пять миль он действительно появился, поблескивая светоотражающими буквами:

ШОССЕ 12. ДЖЕРУСАЛЕМС-ЛОТ

ОКРУГ КАМБЕРЛЕНД

Неожиданно на Бена нахлынула волна депрессии, которая погасила все хорошее настроение подобно тому, как песок гасит огонь. Похожие ощущения нередко возникали после пережитых тяжелых времен (в сознании готово было прозвучать имя: Миранда, но он не позволил воспоминанию взять верх), однако Бен научился гнать подобные мысли прочь. Но на этот раз волна тревоги накатилась с такой силой, что сопротивляться ей было невозможно.

С чего это ему вздумалось возвращаться в город, где он прожил мальчишкой четыре года, и пытаться вернуть нечто навсегда утерянное? Каких чудес он ждет от того, что снова пройдет по дорогам детства? Теперь они наверняка заасфальтированы и на них валяются пустые банки из-под пива, выброшенные неаккуратными туристами. Ощущение магии – как белой, так и черной – исчезло. Оно исчезло в ту ночь, когда мотоцикл потерял управление и мчавшийся навстречу желтый фургон неумолимо начал приближаться: его жена Миранда закричала, а затем ее крик резко оборвался...

Справа показался поворот на Салемс-Лот, и Бен засомневался, стоит ли сворачивать. Может, лучше доехать до Чемберлейна или Льюистона, перекусить там, а потом развернуться и поехать обратно? Но обратно – это куда? Домой? Смешно! Если у него и был дом, то он находился здесь. Пусть даже всего четыре года в детстве.

Бен включил поворотник, сбросил скорость и направил машину вверх по склону. Там, наверху, где дорога переходила в шоссе 12 (ближе к городу она уже называлась «Джойнтер-авеню»), он бросил взгляд на открывшийся вид и тут же резко затормозил. «Ситроен», взвизгнув, вздрогнул и замер на месте.

С восточной стороны по пологим склонам холмов взбирались сосны и ели, которые наверху уже толпились густыми зарослями, закрывая вид на город. И чуть подальше из темной полосы лесного массива, загораживающего горизонт, выступала остроконечная крыша Марстен-Хауса.

Бен зачарованно смотрел на нее. На его лице отразилась целая гамма чувств.

– Все еще здесь! – пробормотал он вслух. – Боже мой!

Он перевел взгляд на руки: по коже бежали мурашки.

Бен намеренно обогнул город, для чего ему пришлось снова оказаться в Камберленде, и, добравшись до Бернс-роуд, въехал в Салемс-Лот с востока. Его поразило, что здесь прак-

тически ничего не изменилось. Конечно, появились дома, которых он не помнил, а на краю города – закусочная под названием «У Делла» и пара новых карьеров, где добывали гравий; граница леса, окружавшего городок, отодвинулась, но старый указатель дороги, ведущей к свалке, остался на прежнем месте, а сама дорога так и не была вымощена и изобиловала выбоинами и канавами. Сквозь просветы между деревьями проглядывал Школьный холм, по которому с северо-запада на юго-восток тянулись линии высоковольтных передач. Ферма Гриффена тоже осталась на месте, правда, амбар перестроили и он стал гораздо больше. Интересно, сохранилось ли там производство молока на продажу? Раньше его разливали по бутылкам, украшенным этикеткой с надписью «Солнечное молоко с фермы Гриффена!», а под ней была нарисована улыбающаяся корова. Вспомнив, как много этого молока он выпил с кукурузными хлопьями, когда жил у тети Синди, Бен невольно улыбнулся.

Свернув на Брукс-роуд, он миновал литые чугунные ворота и невысокую каменную ограду кладбища на Хармони-Хилл и направился вверх по Марстен-Хилл.

На вершине холма деревья расступились. Справа открылся вид на город: его можно было целиком окинуть взглядом. Слева возвышался Марстен-Хаус. Бен остановил машину и вылез.

Дом ничуть не изменился. Абсолютно! Как будто и не было всех этих долгих лет.

Разросшаяся перед домом трава скрывала старые растрескавшиеся плитки из песчаника, которыми была выложена дорожка к крыльцу. В траве, описывая параболы, беспорядочно скакали кузнечики и громко стрекотали цикады.

Сам дом, огромный и запущенный, буквально нависал над городом. Небрежно заколоченные окна придавали ему тот характерный зловещий вид, что нередко отличает старые заброшенные строения. Краска на стенах давно облупилась, и теперь дом был мрачно-серым. В черепичной крыше зияли дыры, сделанные бурями, а обильные снегопады продавливали ее правый угол, придав дому перекошенный вид. Облупившаяся табличка, прибитая справа к перилам на крыльце, предостерегала от вторжения в частные владения.

Бену страшно захотелось пройти по этой заросшей травой дорожке, разгоняя цикад и кузнечиков; подняться на крыльцо и заглянуть в окна сквозь щели между неровно прибитыми досками; проверить входную дверь и, если не заперта, войти.

Сглотнув слюну, он смотрел на дом как зачарованный. Тот разглядывал его в ответ с тупым безразличием.

В прихожей наверняка стоял запах отсыревшей штукатурки и полусгнивших обоев, а в стенах скреблись мыши. Не было сомнений, что все внутри по-прежнему завалено мусором, в котором можно найти какое-нибудь пресс-папье и сунуть в карман. В конце коридора, ведущего на кухню, можно повернуть налево и подняться по лестнице, чувствуя, как хрустят под ногами куски обвалившейся штукатурки. Ступенек там четырнадцать. Ровно четырнадцать. Причем последняя – заметно меньше других, будто добавлена специально, чтобы их число не оказалось чертовой дюжиной. Наверху можно пройти по висящей над гостиной открытой галерее с перилами, что ведет к двери, взяться за ручку и...

Бен отвернулся, чувствуя, как у него вдруг пересохло в горле и участилось дыхание. Нет, не сегодня! Может, позже, но пока он не был к этому готов. Сейчас достаточно знать, что дом по-прежнему на месте и ничего не изменилось. Дом ждал его. Бен оперся руками о капот машины и бросил взгляд на город. Там он выяснит, кто занимается Марстен-Хаусом сейчас, и, возможно, его удастся снять. Из кухни выйдет отличный кабинет, а спальное место можно оборудовать в передней гостиной. А наверх он ни за что подниматься не станет.

Разве что без этого нельзя будет обойтись.

Бен забрался обратно в машину, завел двигатель и поехал вниз по холму в Джерусалемс-Лот.

Глава вторая

Сьюзен (I)

1

Бен сидел на скамейке в парке, когда заметил, что за ним наблюдают. Девушка очень привлекательная, с шелковым шарфиком на мягких светлых волосах. В руках у нее была книга, а рядом лежали этюдник и какой-то предмет, похожий на уголь для рисования. Был вторник, 16 сентября – первый день занятий в школе, – и парк, как по волшебству, вдруг притих, лишившись самых шумных своих завсегдатаев. Здесь осталось лишь несколько стариков, коротающих время на скамейках возле военного мемориала, да кое-где гуляли матери с малышами. И еще эта девушка, устроившаяся в тени старого сучковатого вяза.

Она, перехватив его взгляд, смутилась. Девушка посмотрела в книгу, потом на него и смутилась еще больше. Явно не зная, как лучше поступить, она сначала встала, но потом снова села.

Бен поднялся и направился к ней, держа в руках свою книгу – вестерн в мягкой обложке.

– Здравствуйте, – приветливо произнес он. – Мы знакомы?

– Нет, – ответила она. – А вы... вы ведь Бенджамен Миерс, верно?

– Верно, – не скрывая удивления, подтвердил он.

Она нервно засмеялась, лишь на мгновение задержав его взгляд в надежде распознать его намерения. Она явно не принадлежала к тем, кто заговаривает в парке с незнакомыми мужчинами.

– Я уже решила, что мне мерещится. – На коленях у нее лежал его второй роман, «Воздушный танец», со штампом городской библиотеки. Она показала на фотографию четырехлетней давности на задней сторонке обложки. На мальчишеском лице с пугающе серьезным выражением светились темные глаза.

– С таких, на первый взгляд необъяснимых, случайностей и берут начало династии, – заметил он, и эта шутовская фраза вдруг повисла в воздухе как пророчество. За ними, громко вереща, плескались в воде малыши, а мать просила Родди не раскачивать сестренку так высоко. Сестренка же раскачивалась все выше и выше, стараясь достать до самого неба. Ее развевающееся платье Бену суждено было запомнить на долгие годы, будто эта картинка оказалась вырезана из огромного пирога времени. Такие сцены сохраняются в памяти, только если в этот момент между двумя людьми вдруг пробежит искра.

Девушка засмеялась и протянула ему книгу.

– А можно получить ваш автограф?

– На библиотечном экземпляре?

– Я его выкуплю и заменю другим.

Бен достал из кармана автоматический карандаш, открыл книгу на форзаце и спросил:

– А как вас зовут?

– Сьюзен Нортон.

Он быстро написал: «Сьюзен Нортон, самой красивой девушке в парке. С наилучшими пожеланиями, Бен Миерс». Потом подписался и поставил число.

– Теперь вам придется ее украсть, – сказал он, возвращая книгу. – «Воздушный танец», увы, больше не издается.

– Я достану книгу у букинистов в Нью-Йорке. – Девушка помолчала и, колебавшись, добавила, задержав взгляд чуть дольше: – Это очень хороший роман.

– Спасибо. Когда я достаю эту книгу и пролистываю, то сам удивляюсь, как ее напечатали.

– А вы часто ее берете в руки?

– Да, но стараюсь избавиться от дурной привычки.

Девушка улыбнулась, и они оба рассмеялись, сразу почувствовав себя легко и непринужденно. Вспоминая позже, как естественно все произошло, Бен неизменно ощущал беспокойство. Как будто ими двигал рок, замысливший перемолоть людские судьбы в жерновах мироздания с одному ему ведомой целью.

– Я читала и «Дочь Конвея». Она мне очень понравилась. Вам, наверное, это все говорят.

– К сожалению, крайне редко, – честно признался он. Миранде эта книга тоже нравилась, но его приятели особого восторга не проявили, а критики разнесли в пух и прах. Причем не по существу, а так, из профессиональной вредности. На то они и критики – чего с них взять?!

– А мне понравилось.

– А последнюю вы читали?

– «Билли просит продолжать»? Пока еще нет. Мисс Куган из аптекарского магазина говорит, что она неприличная.

– Черт, да она почти что пуританская! – возмутился Бен. – Да, язык там грубоват, но если описывать необразованных деревенских парней, то... Послушайте, а как насчет содовой с мороженым? Я бы с удовольствием угостил вас, да и сам полакомился!

Она заглянула ему в глаза в третий раз. И тепло улыбнулась.

– Я согласна. У Спенсера она просто восхитительная!

Так все началось.

2

– Это и есть та самая мисс Куган? – тихо спросил Бен, глядя на высокую дородную женщину в белой униформе с красным нейлоновым передником. Ее подкрашенные синим волосы обрамляли голову ступенчатыми завитками.

– Она самая. Вечером каждого четверга она навещает библиотеку с маленькой тележкой и заказывает столько книг, что мисс Старчер буквально лезет на стенку.

Они сидели на обтянутых красной кожей табуретах возле сатуратора и пили каждый свой напиток: он – содовую с шоколадом, она – с клубникой. Заведение Спенсера служило заодно местным автовокзалом, и через старомодную арку им было видно зал ожидания, в котором одиноко сидел молодой человек в форме ВВС. У его ног стоял чемодан, лицо было угрюмым.

– Судя по виду, он не очень-то рад, что надо ехать, – сказала Сьюзен, проследив за взглядом Бена.

– Наверное, отпуск кончился, – предположил Бен и подумал, что сейчас она наверняка спросит, служил ли он сам. Но ошибся.

– Скоро и я уеду на одном из таких автобусов рейсом в десять тридцать. И – прощай, Салемс-Лот! И на моем лице, наверное, радости будет не больше, чем у этого парня.

– А куда?

– Думаю, что в Нью-Йорк. Посмотрю, удастся ли мне наконец стать самостоятельной.

– А чем здесь плохо?

– В Лоте? Я его обожаю! Но тут живут мои родители, и я все время чувствую себя под их неусыпным контролем. А это не жизнь! К тому же Лот мало что может предложить молодой честолюбивой девушке. – Сьюзен пожала плечами и наклонила голову, чтобы отпить содовую через соломинку. На загорелой шее красиво проступили мышцы. Цветастое платье подчеркивало изящную фигуру.

– А чем бы вы хотели заняться?

Сьюзен снова пожала плечами.

– Я получила степень бакалавра в Бостонском университете... правда, толку от него мало. Специализация – искусство, да еще английский как непрофилирующая дисциплина. Полный набор для образованных дурочек. Меня не научили даже оформлять офис. Некоторые из моих школьных подруг устроились секретаршами и сейчас отлично зарабатывают, а я же умею только печатать на машинке.

– И что же тогда остается?

– Ну... может, какое-нибудь издательство, – неуверенно предположила она. – Или журнал... а может, рекламный бизнес. Там нужны люди, которые смогут нарисовать по указке. А это я сумею. У меня подготовлен портфолио с образцами моих работ.

– А у вас уже есть предложения от кого-то? – мягко поинтересовался Бен.

– Нет... нет. Но...

– Ехать в Нью-Йорк без предложений не имеет смысла, – заметил он. – Уж поверьте – в поисках работы вы там стопчете каблуки.

– Я вам верю. – Сьюзен натянуто улыбнулась.

– А тут вам удастся продать свои работы?

– О да! – Сьюзен неожиданно рассмеялась. – На сегодня моей самой большой удачей была сделка с корпорацией «Синекс». Та перед открытием в Портленде нового кинотеатра купила оптом двенадцать картин, чтобы украсить фойе. Заплатили семьсот долларов. И я смогла внести первый взнос за свою маленькую машину.

– В Нью-Йорке вам надо снять в гостинице номер на неделю, может, больше, и показать ваш портфолио в каждом издательстве, которое удастся найти. Договоритесь о встрече за полгода, чтобы редакторы и нужные сотрудники не оказались заняты. Но Бога ради, не питайте иллюзий насчет большого города!

– Ну а вы? – спросила она, вынув изо рта соломинку и переключившись на креманку с мороженым. – Что вас привело в процветающий город Джерусалемс-Лот, штат Мэн, с населением в тысячу триста человек?

Бен пожал плечами.

– Пытаюсь написать роман.

Она оживилась.

– В нашем городе? А о чем? И почему здесь? Вы...

Бен с серьезным видом посмотрел на девушку.

– У вас мороженое капает.

– Правда? Ой, извините. – Сьюзен вытерла стакан салфеткой. – Я вовсе не хотела ничего выпытывать. Вообще-то я не такая несдержанная.

– Вам не за что извиняться, – успокоил Бен. – Писатели любят говорить о своих книгах. Иногда, лежа в кровати, я представляю себе, как даю интервью «Плейбою». Пустая трата времени! Они берут интервью только у тех, чьи книги популярны среди студентов.

Молодой человек в форме ВВС поднялся. Возле здания, шипя пневматическими тормозами, остановился междугородний автобус.

– В детстве я прожил четыре года в Салемс-Лоте. На Бернс-роуд.

– На Бернс-роуд? Но там же сейчас ничего нет, кроме маленького кладбища. Его называют Хармони-Хилл.

– Я жил там со своей тетей Синди, Синтией Стоуэнс. Мой отец умер, а мать... с ней случилось нечто вроде нервного срыва. И она отправила меня к тете Синди, пока не сумеет прийти в себя. Тетя Синди посадила меня в автобус и отправила к матери примерно через месяц после большого пожара. – Бен посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене за сатуратором. – Я плакал, когда автобус увозил меня от матери и когда он же увозил меня из Джерусалемс-Лота, от тети Синди.

– А я родилась как раз в тот год, когда случился большой пожар, – сказала Сьюзен. – Самое важное событие, произошедшее в этом городе, я благополучно проспала!

– Выходит, вы на семь лет старше, чем мне показалось в парке, – засмеялся Бен.

– Правда? Спасибо... – Она выглядела польщенной. – А дом вашей тети, наверное, сгорел?

– Да, – подтвердил он. – Ту ночь я отлично помню. К нам постучались люди с ранцевыми огнетушителями и сказали, что надо уходить. Это было нечто! Тетя Синди суежилась, собирая вещи и укладывая их в свою машину. Господи, что за ночь!

– У нее имелась страховка?

– Нет, но дом она снимала и все ценное мы успели перенести в машину. Кроме телевизора. Мы пытались его поднять, но не смогли даже оторвать от пола. У него был семидюймовый экран с увеличительной линзой перед кинескопом. Чертовски искажал изображение. К тому же он показывал всего один канал, по которому в основном гоняли музыку кантри да фермерские новости.

– И вы приехали сюда писать книгу? – удивилась Сьюзен.

Бен ответил не сразу. Мисс Куган распаковывала блоки сигарет, чтобы выставить образцы на витрине возле кассы. Аптекарь мистер Лабри сновал за высоким прилавком с лекарствами как привидение. Парень в форме ВВС ждал у двери автобуса, когда водитель вернется из туалета.

– Да, – подтвердил Бен и, повернувшись, впервые открыто посмотрел на нее. Очень милое лицо с открытым взглядом голубых глаз и чистым высоким загорелым лбом. – Ваше детство прошло здесь?

– Да.

– Тогда вы меня поймете, – кивнул он. – Я тут вырос, и Салемс-Лот навсегда поселился у меня в душе. Когда я вернулся, то чуть не проехал мимо, потому что боялся, что здесь все изменилось.

– Тут ничего не меняется, – сказала Сьюзен. – Или почти ничего.

– С мальчишками Гарденеров я играл в войну на болотах, в пиратов – на пруду, в захват флага и прятки – в парке. После моего отъезда из Салемс-Лота нам с матерью довелось пожить в разных неблагополучных местах. Когда мне было четырнадцать, мама покончила с собой, и я остался сиротой. Но жизнь перестала быть волшебством уже задолго до этого. И все, что от этого волшебства осталось, находилось – и продолжает находиться – здесь, в Салемс-Лоте. Город мало изменился. И Джойнтер-авеню выглядит так, будто на нее смотришь сквозь тонкую ледяную пластинку, как если бы в ноябре в баке с водой образовалась корка льда, которую, аккуратно постучав по бокам, можно освободить из плена и вытащить, а потом поглядеть сквозь нее на детство. Изображение расплывчатое и нечеткое, в каких-то местах вообще ничего не видно, но все равно общую картину разобрать можно.

Он замолк, удивляясь, что произнес целую речь.

– Вы говорите в точности так, как пишете! – произнесла восхищенно Сьюзен.

Бен засмеялся.

– Раньше я никогда не произносил ничего подобного. Во всяком случае, вслух.

– А что вы делали после того, как ваша мама... после ее смерти?

– Так, болтался, – ответил он коротко. – Ешьте мороженое.

Она послушалась, и какое-то время оба молчали. Наконец Сьюзен снова заговорила:

– Кое-что все-таки изменилось. Мистер Спенсер умер. Вы помните его?

– Еще бы! Каждый четверг тетя Синди выбиралась в город за покупками в магазине Кроссена и отправляла меня сюда выпить шипучки из корнеплодов. Тогда тут продавали настоящую, бочковую. Тетя давала мне пятицентовик, завернутый в носовой платок.

– А в мое время шипучка стоила уже десять центов. А вы помните, что Спенсер всегда приговаривал?

Бен сгорбился, вывернул одну руку, будто пальцы скрючены артритом, и, скривив кончик рта, прошамкал полусшепотом:

– Ох, парень! Угровишь ты свой мочевоу пузырь!

Звонкий смех Сюзен взметнулся к лопастьям вентилятора, медленно вращавшимся под потолком. Мисс Куган подозрительно покосилась на парочку.

– Точно! Только меня он называл подругой.

Они обменивались довольными взглядами.

– А как насчет того, чтобы сходить вечером в кино? – предложил Бен.

– Я – с удовольствием.

– И где тут ближайший кинотеатр?

Она хихикнула:

– «Синекс» в Портленде. Тот самый, где фойе украшено бессмертными полотнами Сюзен Нортон.

– Так я и думал! А какие фильмы вам нравятся?

– Приключенческие, с погонями на автомобилях.

– Ладно! А вы помните кинотеатр «Нордика»? Он был прямо в городе.

– Да, но в шестьдесят восьмом году он закрылся. Я ходила туда на свидания вчетвером, когда училась в старшей школе. Если фильм был дрянной, мы бросались в экран коробками из-под поп-корна. – Она снова хихикнула. – А таких фильмов было много!

– Там часто крутили старые фильмы с продолжением. «Человек-ракета». «Возвращение человека-ракеты». «Молот-Каллахэн и бог смерти Вуду».

– Я этого не застала.

– А что сейчас в этом здании?

– Агентство недвижимости Ларри Крокетта, – ответила Сюзен. – Думаю, что «Нордика» закрылась, не выдержав конкуренции с кинотеатром под открытым небом для автомобилистов в Камберленде. И, конечно, телевидением.

Они немного помолчали, задумавшись каждый о своем. Часы на стене показывали 10:45.

Потом оба одновременно произнесли: «А помните...» – и расхохотались так громко, что мисс Куган принялась так откровенно их разглядывать и даже мистер Лабри удивленно приподнял брови.

Они поболтали еще минут пятнадцать, пока Сюзен вдруг не вспомнила, что ей надо еще кое-что сделать, но заверила, что к половине восьмого обязательно освободится. Они разошлись в разные стороны, оба удивляясь тому, как легко и естественно чувствовали себя в обществе друг друга.

Бен направился по Джойнтер-авеню и на углу Брок-стрит задержался, чтобы еще раз бросить взгляд на Марстен-Хаус. Он вспомнил, как большой лесной пожар 1951 года дошел до самого дома, но потом вдруг ветер переменился.

Может, ему следовало сгореть, подумал Бен. Может, так было бы лучше.

3

Нолли Гарденер вышел из здания муниципалитета и присел на ступеньки рядом с Паркинсом Гиллеспи как раз в тот момент, когда Бен и Сюзен входили в кафе Спенсера на автовокзале. Паркинс курил сигарету и чистил пожелтевшие от никотина ногти перочинным ножом.

– Этот парень вроде писатель? – поинтересовался Нолли.

– Да.

– А с ним была Сюзи Нортон?

– Да.

– Интересно, – заметил Нолли, подтягивая форменный ремень. На груди у него важно поблескивала звезда помощника шерифа. Он специально заказывал ее на складе, поскольку город не располагал средствами на приобретение жетонов для своих блюстителей порядка. У Паркинса такая звезда тоже была, но носил он ее в бумажнике, что не укладывалось у Нолли в голове. Конечно, все в городе знали, что он констебль, но ведь существует же традиция, не говоря уже об ответственности!

И блюститель закона обязан постоянно об этом помнить. Вот Нолли помнил постоянно, хотя и занимал должность помощника шерифа всего на полставки.

От неловкого движения лезвие ножа соскользнуло и Паркинс порезался.

– Вот черт! – тихо ругнулся он.

– Ты думаешь, он настоящий писатель, Парк?

– Уверен. У нас в библиотеке есть три его книжки.

– Он пишет про то, что было на самом деле, или выдумывает?

– Выдумывает! – Паркинс убрал нож и вздохнул.

– Флойду Тиббитсу не понравится, что кто-то заигрывает с его девчонкой.

– Они не женаты, а она совершеннолетняя.

– Флойду это точно не понравится.

– Флойд может нагадить себе в шляпу и носить ее задом наперед – мне до лампочки, – отозвался Паркинс. Он раздавил докуренную сигарету на ступеньках, достал из кармана коробочку из-под пастилок от кашля и убрал окурки в нее.

– А где этот писатель обосновался?

– В пансионе Евы, – ответил Паркинс, изучая порез. – Он на днях навещался к Марстен-Хаусу и разглядывал его. Со странным выражением лица.

– Станным? Это каким?

– Просто странным! – Паркинс достал пачку сигарет. Солнце приятно ласкало лицо. – А потом отправился к Ларри Крокетту. Хотел снять дом.

– Дом Марстена?

– Да.

– Он что – псих?

– Кто его знает?! – Паркинс согнал муху с колена и проводил ее взглядом. – У старины Ларри Крокетта хватало работы в последнее время. Я слышал, что он продал прачечную.

– Старую прачечную самообслуживания?

– Да.

– Да что в ней можно устроить?

– Понятия не имею.

– Ладно. – Нолли поднялся и снова поправил ремень. – Пойду-ка пройду по городу.

– Давай, – отозвался Паркинс, закуривая новую сигарету.

– Не хочешь составить компанию?

– Нет, я еще посижу здесь.

– Ладно, увидимся.

Нолли спустился по ступенькам, размышляя (уже не в первый раз), когда же наконец Паркинс решит уйти на пенсию и освободит для Нолли полную ставку. Как, черт возьми, можно искоренить преступность, если все время сидеть на ступеньках муниципалитета?

Паркинс с усмешкой наблюдал за удаляющейся фигурой. Нолли неплохой парень, но уж больно ретивый. Затем он снова достал нож и принялся обрабатывать ногти.

Джерусалемс-Лот был образован в 1765 году, за целых пятьдесят пять лет до Миссурийского компромисса, по которому штат Миссури был принят в Союз как рабовладельческий, а штат Мэн – как свободный. Двухсотлетний юбилей города торжественно отпраздновали в парке фейерверком и праздничным шествием. Тогда от отлетевшей искры бенгальского огня на маленькой Дебби Форестер загорелся маскарадный костюм индийской принцессы, а шесть перебравших спиртного горожан оказались в кутузке, куда Паркинс Гиллеспи отправил их протрезветь.

Своим названием Джерусалемс-Лот был обязан весьма прозаическому событию. Один из первых поселенцев – суровый долговязый фермер по имени Чарлз Белкнап Таннер – разводил свиней, и у него был боров по кличке Джерусалем. Однажды во время кормежки этот боров вырвался из загона и сбежал в лес, где одичал и стал опасным. Таннер годами отваживал детейшек от своих угодий. Перегнувшись через ограду, он кричал зловещим, каркающим голосом: «Не ходите, дети, в лес – там вас боров страшный съест!» Предупреждение подействовало, и название прижилось. Это свидетельствует в общем-то только об одном: в Америке даже свинья может обрести бессмертие – ведь первоначально под Джерусалемс-Лотом имелся в виду лес, где хозяйничал сбежавший боров².

Главная улица называлась раньше Портленд-Пост-роуд, а в 1896 году была переименована – в честь Элиаса Джойнтера, который на протяжении шести лет являлся членом палаты представителей (пока в пятьдесят восемь не умер от сифилиса). Он был одним из трех знаменитостей, которыми и мог похвастаться город за всю свою историю. Другими являлись боров Джерусалем и Красотка Энн Баттс, сбежавшая в 1907 году в Нью-Йорк и пробившаяся в знаменитое бродвейское шоу «Девушки Зигфилда».

Джойнтер-авеню пересекала Брок-стрит ровно посередине, а сам город имел почти круглые очертания (лишь на востоке его граница казалась слегка приплюснутой руслом реки Ройал). На карте пересекающиеся главные улицы напоминали перекрестие оптического прицела.

Северо-западная часть города, сплошь покрытая деревьями, лежала на возвышенности, которую считали бы существенной разве что уроженец Среднего Запада. Гряда старых и усталых холмов, испещренных дорогами, спускалась к городу, и на последнем из них стоял Марстен-Хаус.

На северо-востоке местность была открытой, здесь через сенокосы несла свои воды река Ройал, за долгие годы смывшая берега почти до основания. Через нее был перекинут небольшой деревянный мост, за которым река, неспешно изгибаясь, текла на север, где у границы города под тонким слоем земли находились залежи гранита. За сотни тысяч лет река образовала здесь ущелье высотой почти в пятьдесят футов, которое мальчишки прозвали Пьяным Прыжком. Много лет назад Томми Ратбан – любивший выпить брат Вирджа Ратбана – искал, где бы справить малую нужду, и свалился тут в воду. Река Ройал снабжала водой насыщенный фабриками округ Андроскоггин, но сама всегда была чистой. Единственным производством, когда-либо имевшимся в Джерусалемс-Лоте, являлась лесопилка, да и ту давно закрыли. В летние месяцы на мосту всегда можно было застать рыболовов, которые практически никогда не уходили с пустыми руками.

Юго-восточная часть города была самой живописной. Пожар сюда не добрался и не оставил после себя уродливых отметин. По обе стороны Гриффен-роуд земля принадлежала Чарльзу Гриффену – владельцу крупнейшей молочной фермы к югу от Механик-Фоллс. Со Школь-

² Английское слово «lot» имеет несколько значений, в т. ч. «участок земли», «жребий», «судьба» и др.

ного холма был виден гигантский коровник, чья блестящая алюминиевая крыша сверкала на солнце, как чудовищный гелиограф. В этой части города имелись и другие фермы, а также немало домов, купленных клерками, ездившими на работу в Портленд или Льюистон. Осенью до Школьного холма доносился запах гари с выжженных после сбора урожая полей. Внизу стояли наготове машины добровольной пожарной охраны, с высоты казавшиеся игрушечными. Урок 1951 года не прошел впустую и запомнился надолго.

А юго-запад оккупировали дома на колесах, образуя некий своеобразный пояс астероидов со всем, что этому сопутствует: автомобильные свалки; связки покрышек; пустые банки из-под пива; сохнувшее белье на веревках между импровизированными столбами; стойкий запах нечистот из наспех оборудованных септических резервуаров. Стационарные дома там больше смахивали на сараи, но при этом почти из каждого торчала сверкающая антенна от цветного телевизора, купленного в кредит. Во дворах лачуг и домов на колесах было полно детей, игрушек, пикапов, мотосаней и мотоциклов. Некоторые передвижные жилища содержались в порядке, однако большинство владельцев считали уборку пустой тратой времени. Густым зарослям одуванчиков и пырея никто не мешал расти до щиколоток. Возле городской черты, там, где Брок-стрит переходила в Брок-роуд, стояла закусочная «У Делла», в которой по пятницам играла рок-группа, а по субботам – небольшой оркестр. В 1971 году здание сгорело, но было отстроено заново. Для большинства местных ковбоев и их подружек это было единственным местом, куда можно прийти развлечься, выпить пива и подраться.

Большинство телефонных линий обслуживало по два, четыре или даже шесть абонентов, поэтому недостатка в пище для сплетен не ощущалось. Во всех маленьких городках скандалы никогда не затухают надолго, они тлеют постоянно, как угли в жаровне, готовые в любой момент ярко вспыхнуть. Большинство скандалов рождалось именно в этой части города, хотя свою лепту изредка вносили и жители более престижных районов.

Городское правление избиралось общим собранием. С 1965 года постоянно поднимался вопрос о переходе к выборному городскому совету, который бы дважды в год отчитывался перед жителями по финансовым вопросам, однако эта идея неизменно проваливалась. Город не рос достаточно быстро для того, чтобы неэффективность старых методов управления бросалась в глаза, хотя столь допотопная форма демократии и приводила в отчаяние новых поселенцев. На собрании избирали трех членов городского управления, констебля, попечителя по призрению бедных, попечителя учебных заведений, а также секретаря муниципалитета (чтобы зарегистрировать машину, нужно было отправиться в самый конец Тэггарт-Стрим-роуд и не испугаться двух бегавших по двору злющих псов). Добровольному пожарному депо город выделял символические ассигнования в размере трехсот долларов год, но оно в основном служило клубом по интересам для городских пенсионеров. Впечатлений, полученных во время сезона сжигания травы, им с избытком хватало для обсуждения в течение целого года. В городском правлении не имелось отдела коммунальных служб, поскольку в ведении города не было ни водоснабжения, ни газопровода, ни канализации, ни электричества. Линии электропередачи спускались к городу по широкой просеке, проложенной через лесные массивы на холмах, и одна из опор стояла совсем близко к Марстен-Хаусу, охраняя его, будто инопланетный часовой.

О событиях в мире, о войнах и правительственных кризисах Салемс-Лот узнавал в основном от Уолтера Кронкайта³. Да, конечно, Поттеры потеряли во Вьетнаме своего мальчика, а сын Клода Боуи наступил на пехотную мину и вернулся домой на протезе, но он устроился работать на почте, где помогал Кенни Дэйнису, так что с ним все было в порядке. Мальчишки носили волосы длиннее, чем их отцы, и не так часто причесывались, но на этом, пожалуй, все видимые перемены и заканчивались. Когда старшеклассники отказались от предписанной традицией формы одежды на выпускном балу, Эгги Корлисс написала об этом в камберленд-

³ Бессменный ведущий вечернего выпуска новостей Си-би-эс с 1962 по 1981 г.

ский «Леджер», но она писала туда каждую неделю, в основном бичуя пьянство и восхваляя принятие Иисуса как своего Спасителя.

Кое-кто из молодежи принимал наркотики. В августе сын Горация Килби Фрэнк предстал перед судьей и был оштрафован на пятьдесят долларов (судья согласился, что он выплатит штраф из денег, которые заработает доставкой газет), но главной проблемой являлось спиртное. Как только возрастной ценз на употребление алкоголя снизили до восемнадцати лет, молодые люди стали пропадать в заведении Делла. Они возвращались домой, едва держась на ногах, и время от времени даже разбивались насмерть. Так, в частности, произошло с Билли Смитом, который убил себя и свою подружку Лаверн Дьюб, врезавшись в дерево на Дип-Кат-роуд на скорости девяносто миль в час.

Но во всем остальном горожане имели весьма приблизительное представление о ситуации в стране. Время обходило город стороной. В таком чудесном месте не могло произойти ничего плохого. Только не в Салемс-Лоте!

5

Энн Нортон гладила белье, когда в дом влетела дочь с пакетом овощей и, сунув ей под нос книгу с художавым парнем на задней стороне обложки, начала взхлеб что-то рассказывать.

– Давай помедленнее, – сказала мать. – Выключи телевизор и начни сначала.

Сьюзен так и сделала, и с экрана исчез Питер Маршалл, раздававший тысячи долларов в телеигре «Проще простого». Слушая рассказ дочери о знакомстве с Беном Миерсом, миссис Нортон заставляла себя понимающе и доброжелательно кивать, хотя в голове сразу замигал предупреждающий желтый сигнал светофора, включавшийся каждый раз, когда Сьюзен рассказывала о новом ухажере. Мать никак не могла поверить, что Сьюзи уже выросла и может интересоваться мужчинами, но сегодня желтый сигнал мигал ярче обычного.

– Интересно, – произнесла она, расправляя на гладильной доске рубашку мужа.

– Он такой милый, – сказала Сьюзен. – И очень естественный.

– Надо же! – Миссис Нортон поставила утюг на подставку, и тот недовольно зашипел. Сама же она взяла сигарету с журнального столика и опустилась в кресло-качалку у окна. – А ты уверена, что с ним все в порядке, Сьюзи?

Сьюзен вызывающе улыбнулась.

– Конечно, я уверена! Он похож... даже не знаю... на учителя колледжа или кого-то вроде этого.

– Говорят, Безумный Бомбист⁴ был похож на садовника, – задумчиво заметила миссис Нортон.

– Глупости! – жизнерадостно отреагировала Сьюзен, использовав выражение, которое неизменно возмущало мать.

– Покажи мне книгу! – Миссис Нортон протянула руку.

Сьюзен передала ей роман, неожиданно вспомнив описанную там сцену гомосексуального изнасилования в тюремной камере.

– «Воздушный танец», – прочитала миссис Нортон название и начала листать.

Сьюзен обреченно ждала. Она не сомневалась, что мать обязательно раскопает эту сцену. Так всегда бывало.

Легкий полуденный ветерок шевелил желтые занавески на кухне, которую мать называла буфетной, будто они жили в роскошном особняке. Их уютный кирпичный дом было непросто обогреть зимой, зато летом в нем царила приятная прохлада. Дом стоял на небольшом склоне

⁴ Джордж Метески – маньяк, устроивший в 1950-е гг. десятки взрывов в общественных местах Нью-Йорка. Пресса окрестила его Безумным Бомбистом.

возле Брок-стрит, и из окна, возле которого сидела миссис Нортон, открывался живописный вид на город. Он особенно впечатлял зимой, когда на заснеженные просторы падали длинные тени домов, казавшиеся желтыми от света электрических ламп.

– Мне кажется, я читала рецензию на эту книгу в портлендской газете. Не особо хвалебную.

– А мне роман нравится! И автор тоже! – упрямо произнесла Сьюзен.

– Может, Флойду он тоже понравится, – проговорила миссис Нортон как бы между прочим. – Тебе надо их познакомить.

Сьюзен почувствовала, что начинает злиться. Она-то уже решила, что все выяснения отношений, связанные с ее взрослением, остались в прошлом, и вот на тебе! Мать снова пыталась навязать ей свои представления о жизни, совершенно не воспринимая ее как самостоятельную личность, имевшую право жить и поступать по-своему.

– Мы уже говорили о Флойде, мама! И тебе отлично известно, что еще ничего не решено.

– В газете говорилось, что в романе есть описание жутких тюремных сцен. О сексе между парнями.

– Ради Бога, мама! – Сьюзен нервно вытащила себе сигарету из пачки.

– И злиться тут нечего, – хладнокровно заметила миссис Нортон. Она вернула книгу дочери и стряхнула пепел с сигареты в керамическую пепельницу в форме рыбы. Эта пепельница, подаренная матери какой-то подругой по женскому клубу, всегда вызывала в Сьюзен необъяснимое раздражение. В сбрасывании пепла рыбе в рот было что-то противоестественное.

– Я уберу овощи, – сказала Сьюзен, поднимаясь.

– Я просто имела в виду, что если вы с Флойдом собираетесь пожениться... – невозмутимо продолжила миссис Нортон.

Теперь раздражение переросло в настоящий приступ ярости.

– С чего ты взяла?! Я когда-нибудь такое говорила?!

– Я подумала...

– Ты подумала неправильно! – горячо возразила Сьюзен, хотя и понимала, что это не совсем так. Однако в последние недели она чувствовала, что охладевает к Флойду.

– Я подумала, что если ты встречаешься с парнем полтора года, – продолжила, не сдаваясь, мать, – то ваши отношения уже миновали ту невинную стадию, когда просто гуляют, взявшись за руки.

– Мы с Флойдом больше, чем друзья, – согласилась Сьюзен ровным голосом: пусть теперь поломают голову, что это значит!

Дальнейшая беседа происходила уже без слов, хотя ее содержание не вызывало сомнений у обеих.

– Ты спала с Флойдом?

– Не твоё дело.

– Что тебе до этого Бена Миерса?

– Не твоё дело.

– Ты что – собираешься в него влюбиться и наделать глупостей?

– Не твоё дело.

– Я люблю тебя, Сьюзи. Мы с отцом очень тебя любим!

И на это ответа нет. На это просто нечего возразить! Вот почему Нью-Йорк или какое-то другое место было единственным выходом. В конце концов ты всегда упираешься в стену родительской любви, так похожую на обитые мягким войлоком стены тюремной камеры. Искренность этой любви лишала всякого смысла как дальнейшее препирательство, так и уже состоявшееся.

– Ладно, – тихо проговорила миссис Нортон, потушила сигарету о губу рыбины и отправила окурки ей в живот.

– Я пойду к себе, – сообщила Сьюзен.

– Конечно. Я могу почитать эту книгу, когда ты закончишь?

– Если хочешь.

– Мне бы хотелось с ним познакомиться, – сказала миссис Нортон, на что Сьюзен развела руками и пожала плечами. – Ты поздно вернешься?

– Не знаю.

– А что сказать Флойду Тиббитсу, если он позвонит?

Сьюзен снова почувствовала, как ее охватывает злость.

– Что хочешь! – резко отозвалась она и добавила, помолчав: – Все равно ты сделаешь по-своему!

– Сьюзен!

Но та уже поднималась по лестнице и не обернулась.

Миссис Нортон еще немного посидела в кресле, устремив невидящий взгляд на город за окном. Наверху слышались шаги Сьюзен и характерный стук, с каким раскрывается мольберт.

Тогда миссис Нортон поднялась и снова принялась гладить. Через некоторое время, решив, что Сьюзен уже наверняка увлекалась работой (ее мозг просто констатировал это без каких бы то ни было умозаключений), она направилась в буфетную и позвонила Мейбл Уэртс. По ходу беседы она упомянула, что, по словам Сьюзи, у них в городе остановился знаменитый писатель. Мейбл поинтересовалась, не идет ли речь об авторе «Дочери Конвея», и, получив утвердительный ответ, презрительно фыркнула, заявив, что это никакая не литература, а чистой воды порнография. Миссис Нортон спросила, где он остановился: в мотеле или...

Узнав, что Бен остановился в единственном пансионе города, принадлежавшем Еве, миссис Нортон испытала облегчение. Ева Миллер была достойной вдовой, которая не позволит в своем заведении никаких глупостей. Ее правила насчет визитов женщин были простыми и однозначными. Если речь шла о матери или сестре – тогда пожалуйста! Если нет, то место встреч ограничивалось кухней. И никаких исключений из правил!

Миссис Нортон повесила трубку, поболтав еще с четверть часа о том о сем, чтобы скрыть истинную причину своего звонка. Вернувшись к гладильной доске, она подумала о Сьюзен. Как же та не понимает, что мать желает ей только добра?

6

Когда они возвращались из Портленда по шоссе 295, было еще не поздно – шел всего двенадцатый час. За пределами города можно было разогнаться до пятидесяти пяти миль в час, и свет фар «ситроена» мерно рассекал темноту на пустынной дороге.

Фильм им понравился, но говорили о нем оба осторожно, как обычно поступают люди, пытающиеся прощупать вкусы друг друга. Вспомнив вопрос матери, Сьюзен поинтересовалась:

– А где ты остановился? Снял что-нибудь?

– Комнату на третьем этаже в пансионе Евы.

– Но там же наверняка дышать нечем! Жарища градусов под сорок!

– Мне нравится жара, – пояснил Бен, – и в ней хорошо работается. Раздеваюсь до пояса, включаю для фона радио и сажусь за машинку, потягивая пиво. Получается страниц по десять в день. К тому же там живут очень колоритные персонажи. А потом выходишь на крылечко, где дует свежий ветерок... Настоящее блаженство!

– Ну... не знаю... – с сомнением протянула она.

– Я подумывал снять Марстен-Хаус, – продолжил Бен. – Даже наводил справки, но дом оказался продан.

– Марстен-Хаус? – Сьюзен улыбнулась. – Этого не может быть. Ты наверняка перепутал название.

– Отнюдь! Я говорю о доме, который стоит на первом холме к северо-западу от города. На Брукс-роуд.

– Продан? Да кому придет в голову...

– И я удивился! Мне не раз говорили, что у меня самого не все дома, но даже я подумывал только об аренде. Риелтор отказался сообщить имя нового владельца. Прямо жуткая тайна, покрытая мраком!

– Наверное, кто-то из другого штата решил устроить в нем летнюю резиденцию, – предположила она. – Но это все равно безумие! Одно дело – приводить запущенный дом в порядок, что мне и самой было бы интересно, но это здание не подлежит восстановлению. Он разваливался еще в моем детстве. Бен, а с чего ты решил его снять?

– Ты когда-нибудь была внутри?

– Нет, но однажды набралась храбрости и заглянула в окно. А ты?

– Я был. Один раз.

– Жуткое место, верно?

Они оба замолчали, задумавшись о Марстен-Хаусе, но их мысли не имели ничего общего с обычной для людей ностальгией. Хотя скандал и насилие, связанные с домом, случились задолго до их рождения, но у маленьких городков долгая память и рассказы об ужасах передаются из поколения в поколение.

История Хьюберта Марстена и его жены Бэрди была самой загадочной и шокирующей тайной, которую хранил Джерусалемс-Лот. В 1920-х годах Хьюби возглавлял одну из крупнейших в Новой Англии транспортных компаний, грузовики которой, по слухам, самые выгодные рейсы совершали по ночам, когда доставляли в Массачусетс виски из Канады.

Сколотив состояние, Марстены в 1929 году перебрались в Салемс-Лот, но после обвала Нью-Йоркской фондовой биржи потеряли кучу денег (сколько именно, не знала даже Мейбл Уэртс).

Десять лет – от биржевой паники до прихода к власти Гитлера – Марстены прожили в доме настоящими отшельниками. Их видели в городе только по четвергам, когда они закупали продукты на неделю. Ларри Маклеод, служивший в те годы почтальоном, рассказывал, что Марстен выписывал четыре ежедневные газеты и три журнала: еженедельные «Сатердей ивнинг пост» и «Нью-Йоркер», а также познавательный ежемесячник «Невероятные истории». Раз в месяц Марстен получал чек от компании грузового автотранспорта, зарегистрированной в Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Что это чек, Ларри узнал, подглядев в окошко на конверте, вырезанное для адреса.

Летом 1939 года именно Ларри и обнаружил тела обитателей дома. Газеты и журналы никто не вынимал из почтового ящика целых пять дней, и засунуть в него новые не представлялось возможным. Ларри забрал всю корреспонденцию и направился к дому, чтобы оставить ее на пороге за сетчатой дверью.

Стоял август – самые жаркие дни разгара лета, и трава во дворе была зеленой, густой и высокой, почти до колена. На западной стороне дома густо разрослась жимолость, и упитанные пчелы лениво жужжали вокруг белоснежных соцветий, источавших сильный аромат. В те времена дом, несмотря на высокую траву, выглядел очень живописно и, по всеобщему признанию, был самым красивым в Салемс-Лоте, пока не пришел в упадок.

Как потом с придыханием рассказывали всем новым членам женского клуба, уже на середине дорожки Ларри почувствовал какой-то неприятный запах, как от протухшего мяса. Он постучал в дверь, но никто не отозвался. Он заглянул в замочную скважину, но, кроме темноты, ничего не увидел. На свое счастье, Ларри не стал входить, а решил сначала обойти дом вокруг. У задней двери зловонный запах чувствовался еще сильнее. Ларри попробовал открыть ее,

дверь оказалась незапертой. Он вошел на кухню и увидел в углу лежавшую на полу, раскинув босые ноги, Бэрди Марстон. Половина ее головы была снесена выстрелом в упор из тридцать шестого калибра или чего-то такого же мощного.

(На этом месте Одри Хэрсси всегда делала паузу и подчеркивала со знающим видом: «Мухи! Ларри говорил, что кухня кишела мухами! Они жужжали, то и дело взлетая и снова садясь на... сами понимаете что... Мухи!»)

Ларри Маклеод вылетел из кухни и помчался в город за Норрисом Варни, тогдашним констеблем. Тот прихватил с собой еще трех-четырех человек из магазина Кроссена – в то время им еще заправлял отец Милта, – среди которых оказался и Джексон – старший брат Одри. И все вместе они отправились в Марстен-Хаус на двух машинах – на «шевроле» Норриса и почтовом фургоне Ларри.

Никто из горожан никогда раньше не был в доме Марстенов, и его посещение произвело настоящий фурор. Когда страсти немного улеглись, портлендская газета «Телеграм» опубликовала статью с подробным описанием того, с чем столкнулись незваные посетители. Дом Хьюберта Марстена оказался настоящей крысиной норой, заваленной горами мусора и хлама, с узкими проходами между кипами пожелтевших газет и журналов и связками книг. Полные собрания сочинений Диккенса, Скотта и Мариотта были очищены от грязи предшественницей Лоретты Старчер и поступили в фонд городской библиотеки Салемс-Лота, где стоят на полках и по сей день.

Джексон Хэрсси поднял экземпляр «Сатердей ивнинг пост» и стал перелистывать, с изумлением обнаружив, что к каждой странице были аккуратно приклеены скотчем долларовые банкноты.

Норрис Варни выяснил, как повезло Ларри, что он не решился войти в парадную дверь и обошел дом. К стулу было привязано ружье со взведенным курком, направленное прямо на входную дверь на уровне груди. От ручки двери шла бечевка, соединенная со спусковым крючком.

(«Ружье было заряжено, – обязательно поясняла Одри на этом месте. – Если бы Ларри открыл дверь, отправился бы прямиком на небеса».)

Были в доме расставлены и другие, правда, менее смертельные, ловушки. Над дверью в столовую висела пачка газет весом сорок фунтов. Одна из ступенек, ведущих на второй этаж, оказалась подпиленной и могла стоять кому-то сломанной лодыжки. Ни у кого не осталось сомнений, что Хьюби Марстен оказался не просто каким-то чудачком, а самым настоящим сумасшедшим.

Его самого нашли в спальне на втором этаже висящим на веревке, перекинутой через потолочную балку.

В детстве Сьюзен с подружками часто нагоняли друг на друга страху подробностями, подслушанными от взрослых. У Эйми Роклифф на заднем дворе стоял игрушечный деревянный домик; они залезали туда по очереди и пугали в темноте рассказами о Марстен-Хаусе, который стал настоящим олицетворением кошмара еще до вторжения Гитлера в Польшу. Девочки повторяли рассказы взрослых, насыщая их самыми жуткими деталями, на которые только было способно их воображение. Даже сейчас, спустя восемнадцать лет, одно упоминание о Марстен-Хаусе наполняло душу Сьюзен леденящим трепетом. Перед глазами тут же вставала картина из детства, как они с девочками сидят в темноте, взявшись за руки, и Эйми делится страшными подробностями: «Его лицо ужасно распухло, а язык почернел и вывалился наружу, и по нему ползали мухи. Мама рассказывала миссис Уэртс».

– ...место.

– Что? Извини, я задумалась! – Она с трудом очнулась от воспоминаний. Бен уже сворачивал с шоссе на дорогу, ведущую в Салемс-Лот.

– Я сказал, что это жутковатое место.

– Расскажи, как ты туда ходил.

Он невесело усмехнулся и включил дальний свет. С обеих сторон темную полосу пустынного двухрядного шоссе обступали сосны и ели.

– Все началось как детская забава. Не забывай, что тогда был 1951 год и мальчишки придумывали себе разные развлечения, поскольку в то время никто не нюхал авиационный клей, ведь его еще даже не изобрели. Я тогда много играл с мальчишками из «Подковы»... сейчас, наверное, они уже все разъехались... А южную часть города по-прежнему называют «Подковой»?

– Да.

– Я в основном общался с Дэйви Барклэем, Чарлзом Джеймсом, только все его звали Санни, Гарольдом Роберсоном, Флойдом Тиббитсом...

– Флойдом? – поразила Сьюзен.

– Да, ты его знаешь?

– Мы с ним встречались, – ответила она и, испугавшись расспросов, быстро продолжила: – Санни Джеймс тоже здесь. У него бензоколонка на Джойнтер-авеню. А Гарольд Робертсон умер от лейкемии.

– Они все были старше меня на год или два. И у них было свое братство. Разумеется, тайное. Чтобы стать «кровавым пиратом», за тебя должны были поручиться не меньше трех членов! – Бен пытался говорить шутливо, но в словах сквозила горечь. – Однако я был упрямым. И хотел стать «кровавым пиратом» больше всего на свете... во всяком случае, в то лето.

В конце концов они снизили до того, чтобы принять меня при условии, что я пройду испытание, которое с ходу придумал Дэйви. Мы все отправились к Марстен-Хаусу, где я должен был забраться внутрь и что-нибудь оттуда вынести. Как трофей. – Бен хмыкнул, чувствуя, как во рту все противно пересохло.

– И что там случилось?

– Я залез в окно. Дом по-прежнему был полон всякого мусора, хотя прошло целых двенадцать лет. Газеты, должно быть, забрали во время войны, но все остальное осталось. На столике в передней лежал маленький снежный шар – понимаете, о чем я? Там внутри был домик, и если шар встряхнуть, поднималась снежная буря. Я сунул эту штуку в карман, но не ушел. Мне хотелось действительно испытать себя. И я отправился наверх, где он повесился.

– Господи Боже! – не удержалась Сьюзен.

– Достаньте мне из бардачка сигарету. Вообще-то я пытаюсь бросить курить, но сейчас мне без нее не обойтись.

Она протянула ему сигарету, и он зажег ее от прикуривателя.

– В доме стоял сильный запах. Даже трудно объяснить какой. Пахло какой-то смесью плесени, гниющей обивки и чего-то прогорклого, как испортившееся масло. И еще какой-то живностью – то ли крысами, то ли сурками, то ли еще какой нечистью, поселившейся в стенах или впавшей в спячку в подвале. Какой-то затхлый, удушливый запах.

Еле передвигая ноги, я осторожно поднимался по ступенькам – до смерти перепуганный девятилетний мальчик. Дом кряхтел и потрескивал, и было слышно, как за штукатуркой кто-то от меня удирает. Мне все время казалось, что я слышу за собой шаги. И ужасно боялся обернуться: а вдруг за мной крадется Хьюби Марстен с почерневшим лицом и петлей в руке?!

Бен изо всех сил вцепился в руль, и в его голосе уже не было прежней несерьезности. Увидев, как глубоко он переживает события тех далеких лет, Сьюзен невольно поежилась. В свете приборов на панели морщины на его лице стали резкими и глубокими, делая его похожим на человека, блуждающего в каком-то жутком лабиринте, из которого он никак не может выбраться.

– Наверху я собрал остатки мужества и побежал к нужной комнате. Я хотел туда заскочить, схватить что-нибудь и поскорее рвануть обратно. Дверь была закрыта, и я видел, как она,

приближаясь, становится все больше, и уже мог разглядеть, что петли разболтались и нижний край двери упирается в косяк. На дверной ручке были потертости в тех местах, где за нее брались. Я нажал на нее и надавил на дверь плечом – она заскрипела, царапая деревянный пол, и издала звук, похожий на крик боли женщины. Будь я в обычном состоянии, я бы тут же, не раздумывая, бросился оттуда со всех ног, но в крови зашкаливал адреналин, и я схватился за ручку обеими руками и что было силы надавил на дверь. Она распахнулась, и я увидел Хьюби: его тело на веревке, перекинутой через балку, было хорошо очерчено на фоне светлого окна.

– Ох, Бен, пожалуйста, не надо... – нервно попросила Сьюзен.

– Клянусь, это чистая правда! – заверил он. – Во всяком случае, именно так все выглядело в глазах девятилетнего мальчика и до сих пор хранится в памяти уже взрослого мужчины двадцать четыре года спустя. Там висел Хьюби, только его лицо было совсем не черным, а зеленым. Глаза закрыты. Руки какие-то неестественно белые... и жуткие! А потом он открыл глаза.

Бен сильно затанулся и выбросил окуроч в ночную мглу.

– Я испустил крик, который, наверное, было слышно за две мили. А потом побежал. На ступеньках я споткнулся и покатился вниз, но сумел подняться, выскочил на улицу через парадную дверь и помчался по дороге. Ребята ждали меня примерно в полумиле. Только тогда я увидел, что продолжаю сжимать в руке стеклянный шар. Я храню его до сих пор.

– Но ты же не думаешь всерьез, что видел Хьюберта Марстена, – так ведь, Бен? – Заметив впереди мигающий желтый свет светофора, расположенного в центре города, Сьюзен невольно испытала облегчение.

Бен ответил не сразу.

– Я не знаю, – нерешительно произнес он, отдавая себе отчет, что было бы проще с этим согласиться и закрыть вопрос. – Не исключено, что я был на таком взводе, что мне все примерещилось. С другой стороны, возможно, правы те, кто верит, что дома могут накапливать сильные эмоции, пережитые в их стенах, и держать их... как аккумулятор. А потом, при наличии подходящего катализатора – к примеру, излишне впечатлительного мальчика, – они разряжаются путем... создания образов. Я не имею в виду призраков. Я говорю о некоем трехмерном психическом телевидении. Это может быть даже нечто по-своему живое – например, чудовище.

Она взяла сигарету из его пачки и тоже закурила.

– После того дня я очень долго боялся спать без света, и мне до сих пор снится та открывающаяся дверь, стоит только понервничать.

– Это ужасно.

– Да нет, – возразил он, – не особо. Кошмары снятся всем людям. – Он показал на погруженные в сон дома, мимо которых они проезжали. – Иногда мне даже удивительно, как дома не стонут от ужасов, которые происходят во сне. – Он помолчал. – Может, посидим немного на крылечке пансиона? Я не могу тебя пригласить внутрь: таковы правила, – но у меня есть пара охлажденных банок колы и немного рома. Как насчет того, чтобы пропустить по стаканчику на сон грядущий?

– Я – с удовольствием.

Он повернул на Рейлроуд-стрит, выключил фары и заехал на маленькую автостоянку для постояльцев пансиона. Заднее крыльцо было выкрашено белым, и на нем стояло три плетеных кресла-качалки, развернутых к реке. Сама река выглядела на редкость романтично: почти полная яркая луна пробивалась сквозь листву деревьев на другом берегу и прокладывала по водной глади переливающуюся серебром дорожку. Город спал, слышался только шум воды на плотине.

– Посиди здесь. Сейчас вернусь.

Бен вошел в дом, осторожно закрыв за собой сетчатую дверь, а Сьюзен опустилась в кресло-качалку.

Несмотря на все свои странности, он ей нравился. Она не верила в любовь с первого взгляда, но вполне допускала, что неожиданное физическое влечение (которое обычно принято называть невинным словом «влюбленность») человек может испытывать достаточно часто. Однако Бен не был похож на человека, мысли о котором не дают заснуть ночью и доверить их можно только личному дневнику. Он был бледным и довольно худым; на лице отражались начитанность и погруженность в свой внутренний мир, а глаза редко выдавали ход мыслей. Густые черные волосы, казалось, редко общались с расческой.

И эта история с домом...

Оба его романа никак не заставляли предположить в авторе столь болезненной впечатлительности. В «Дочери Конвея» рассказывалось о дочери священника, которая уходит из дому, оказывается в сомнительной компании и путешествует по стране автостопом, а «Воздушный танец» повествовал о сбежавшем заключенном Фрэнке Баззи, который начинает новую жизнь, устроившись автомехаником в другом штате, но его, в конце концов, снова ловят. Обе книги были яркими и динамичными, и мрачная тень Хьюби Марстена в петле, навсегда отпечатавшаяся в памяти девятилетнего мальчика, никак не дала в них о себе знать.

Сьюзен невольно перевела взгляд левее – туда, где темный холм, располагавшийся к городу ближе других, заслонял звезды.

– А вот и я, – послышался голос Бена. – Надеюсь, это сгодится.

– Посмотри на Марстен-Хаус, – отозвалась Сьюзен.

Он обернулся. В доме светился огонек.

7

Выпивка кончилась, миновала полночь, и луна почти скрылась. Они поболтали о разных пустяках, и, когда повисла пауза, Сьюзен вдруг сказала:

– Ты мне нравишься, Бен. И даже очень.

– Ты мне тоже нравишься. Просто удивительно... Нет, я не в том смысле. Помнишь мою глупую шутку в парке насчет династий? Как будто и правда все совсем не случайно.

– Я бы хотела продолжить наше знакомство. Если ты этого тоже хочешь.

– Хочу.

– Только не надо ни с чем торопиться. Не забывай, что я обычная провинциальная девочка.

– Звучит как фраза из фильма, – улыбнулся он. – Причем хорошего. Наверное, по сценарию сейчас должен идти поцелуй?

– Да, – подтвердила она серьезно. – Именно так.

Продолжая медленно раскачиваться в кресле-качалке рядом с ней, Бен наклонился и коснулся губами ее губ, но не стал проталкивать язык и руки держал на подлокотниках. Сьюзен чувствовала давление его ровных зубов и ощущала легкий запах рома и табака.

Сьюзен тоже начала раскачиваться, отчего поцелуй, то слабев, то вновь набирая силу, приобретал какое-то новое и волнующее наполнение. Она подумала: *Он пробует меня на вкус*. От этой мысли в ней начало просыпаться желание, и она прервала поцелуй, пока это тайное волнение не завело слишком далеко.

– С ума сойти! – сказал он.

– А ты не хочешь прийти к нам на ужин завтра вечером? – спросила она. – Мои родители будут рады с тобой познакомиться.

Еще продолжая испытывать эйфорию от пережитого волнения, Сьюзен была готова уважить просьбу матери.

– А еда домашняя?

– Самая что ни на есть!

– С удовольствием. Со дня приезда я сижу на одних замороженных полуфабрикатах.
– В шесть вечера устроит? Мы тут ужинаем рано.
– Конечно! Просто отлично! И раз уж мы заговорили о доме, наверное, мне пора тебя отвезти. Поехали.

На обратном пути они молчали, пока Сьюзен не заметила в окне своего дома на холме свет ночника, который мать всегда включала, когда ждала дочь.

Она бросила взгляд на Марстен-Хаус и спросила:

– Как думаешь, кто это там?

– Наверное, новый хозяин, – ответил Бен, пожав плечами.

– А свет не похож на электрический. Слишком желтый и слишком слабый. Скорее всего от керосиновой лампы.

– Может, просто не успели подключить электричество.

– Возможно. Но любой здравомыслящий человек сначала звонит в компанию, чтобы подключить электричество, а уж потом въезжает.

Бен промолчал, и машина завершила подъездную дорожку к дому Сьюзен.

– Бен, – неожиданно спросила она, – а твоя новая книга – про Марстен-Хаус?

Он засмеялся и поцеловал ее в кончик носа.

– Уже поздно.

– Я вовсе не собиралась ничего выпытывать, – улыбнулась Сьюзен.

– Все в порядке. Может, в другой раз... когда будет светить солнце.

– Ладно.

– Тебе действительно пора. Так завтра в шесть?

Она посмотрела на часы и поправила:

– Сегодня в шесть.

– Спокойной ночи, Сьюзен.

– Спокойной ночи.

Сьюзен вылезла из машины, добежала до порога и, обернувшись, помахала рукой на прощание. Перед тем как войти в дом, она добавила в заказ молочнику сметану. Если на ужин запечь картофель, то сметана точно придаст трапезе изысканности.

Она еще немного постояла у двери, разглядывая Марстен-Хаус.

8

Оказавшись в своей маленькой, похожей на коробок комнате, Бен не стал включать свет и, раздевшись, улегся голым на кровать. Хорошая девушка. Первая хорошая девушка, которая ему встретилась после смерти Миранды. Он надеялся, что не попытается сделать из нее вторую Миранду: это было бы несправедливо по отношению к ней и слишком больно для него самого.

Устроившись поудобнее, Бен закрыл было глаза, но, прежде чем уснуть, приподнялся на локте и бросил взгляд в окно поверх пишущей машинки и тонкой стопки страниц с рукописью. Осмотрев предложенные Евой комнаты, он выбрал именно эту, потому что вид из нее был прямо на Марстен-Хаус.

В окнах по-прежнему горел свет.

В ту ночь Бену впервые за все время пребывания в Джерусалемс-Лоте приснился тот самый страшный сон. Причем с той необыкновенной яркостью, с которой снился в кошмарные дни после гибели Миранды в автокатастрофе. Бег по коридору, пронзительный визг открывающейся двери, омерзительный взгляд опухших глаз висящего в петле человека, который сам собой разворачивается к двери... И волна неопишуемой паники...

Которая переходит в настоящую агонию, когда дверь захлопывается!

Глава третья

Город (I)

1

Город просыпается быстро – работа ждать не будет. Хотя солнце еще не показалось и землю окутывает тьма, город уже начинает свой новый день.

2

Четыре часа утра.

Сыновья Гриффена – восемнадцатилетний Хэл и четырнадцатилетний Джек – с двумя наемными рабочими приступили к дойке. Коровник буквально сверкал чистотой и белизной. Ближе к середине вдоль безупречно чистых дорожек перед стойлами был проложен облицованный цементом желоб поилки. Хэл включил рубильник, открыл клапан, и помещение наполнил ровный гул насосов, качавших воду из двух артезианских колодцев.

Угрюмый по натуре и не блещущий умом Хэл сегодня был особенно мрачен. Вчера вечером они с отцом снова поругались. Хэл хотел бросить школу. Он ее просто ненавидел! Ненавидел за скуку, за необходимость сидеть в классе по пятьдесят минут на каждом уроке. Он ненавидел все предметы, исключая разве что уроки труда. Его сводили с ума и английский, и идиотизм истории, и непостижимость математики. Но больше всего его бесила бессмысленность всех этих знаний. Коровам было все равно, грамотно ты выражаешься или нет, им было наплевать, кто командовал этой чертовой армией в битве на Потомаке во время Гражданской войны! А что касается математики, так и сам папаша не сможет прибавить две пятых к одной второй, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь. Для расчетов он держал бухгалтера. И чего ради такие мучения? Вон бухгалтер: закончил колледж, весь из себя такой умный, а вкалывает на неуча вроде его отца! Отец всегда говорил, что успех бизнеса заключается не в учености (а производство молочных продуктов было таким же бизнесом, как и прочие), а в знании людей. Отец любил разглагольствовать о чудесах образования, а у самого за плечами было только шесть классов школы! Он ничего не читал, кроме «Ридерз дайджест», а ферма приносила целых шестнадцать тысяч в год! Знать людей! Уметь с ними общаться и справляться о здоровье жен, помня их по именам! Хэл знал людей. Они делились на два вида: тех, кем можно помыкать, и тех – кем нельзя. Причем первых было раз в десять больше.

А его отец, к сожалению, относился к последним.

Хэл обернулся к Джеку, который неторопливо накладывал вилами сено в кормушку первых четырех стойл. Вот уж настоящий книжный червь! Папочкин любимчик! Дерьмо!

– Давай шевелись! – крикнул он. – Не спи на ходу!

Открыв склад, Хэл вывез первый из четырех доильных аппаратов: на блестящей поверхности из нержавеющей стали отразилось его перекошенное злобой лицо. Чертова школа! Да будь она проклята! Перспектива провести там еще целых девять месяцев была равносильна заточению в могиле.

3

Половина пятого утра.

Плоды вчерашней вечерней дойки, пройдя обработку, отправлялись в город, но не в гальванизированных стальных контейнерах, а в картонных упаковках с красочной этикеткой «Молочное хозяйство «Слюфут-Хилл»». Отец Чарлза Гриффена продавал молоко под своей торговой маркой, но теперь это было невыгодно. Крупные хозяйства подмяли под себя мелких производителей.

В западной части города продукцию «Слюфут-Хилл» доставлял потребителям Ирвин Пьюринтон, чей ежедневный маршрут начинался с Брок-стрит (которую в городе чаще называли Брок-роуд или просто Стиральной доской). По ней он добирался до центра и возвращался обратно уже по Брукс-роуд.

В августе ему исполнился шестьдесят один год, и пенсия уже перестала казаться несбыточной реальностью. Его жена – настоящая стерва по имени Элси – умерла в 1973 году, и уход из жизни стал единственным благим деянием, которое она сделала для него за все двадцать семь лет супружеской жизни. Ирвин с нетерпением ждал выхода на пенсию, чтобы прихватить с собой дворняжку по кличке Док и переехать в Пемаквид-Пойнт. Там он собирался каждый день спать до девяти утра и ни разу больше не встречать восход солнца.

Остановившись у дома Нортонов, он перегрузил в корзинку их заказ – апельсиновый сок, две кварты молока и дюжину яиц. Когда он выбирался из машины, колено отозвалось приступом боли, но не сильной. День начинался хорошо.

К обычному заказу миссис Нортон была сделана приписка аккуратным почерком Сьюзен: «Пожалуйста, добавьте еще маленькую упаковку сметаны. Спасибо».

Пьюринтон вернулся за сметаной, размышляя, что сегодня, очевидно, всем понадобится что-то необычное. Сметана! Однажды он ее попробовал, и его чуть не вырвало!

Небо на востоке начало светлеть, и на полях засверкали крупные капли росы, похожие на королевские сокровища.

4

Четверть шестого утра.

Ева Миллер была на ногах уже двадцать минут и, облачившись в старый халат и потрепанные розовые шлепанцы, готовила себе завтрак: яичницу-болтунью из четырех яиц, восемь ломтиков бекона, сковородку жареной картошки. Эту скромную трапезу дополняют два тоста с джемом, большой стакан апельсинового сока и две чашки кофе со сливками. Она была крупной женщиной, но нельзя сказать чтобы жирной. Да и как тут разжиреть, если в пансионе всегда полно работы! Наблюдать за колыханием ее раблезианских форм у плиты с восемью конфорками было все равно что смотреть на бесконечное движение волн во время прилива или перемещение песчаных дюн.

Она любила завтракать в одиночестве, прикидывая объем предстоящей днем работы. А недостатка в ней не ощущалось никогда. Сейчас в пансионе было девять постояльцев, включая новенького – мистера Миерса. Меблированные комнаты – а всего их было семнадцать – располагались в трехэтажном здании. И везде нужно убраться, помыть полы в коридорах и на лестнице, протереть перила, а в общей гостиной вычистить ковер. Она попросит помочь Проньру Крейга, если, конечно, тот не отсыпается после запоя.

Она как раз садилась за стол, когда скрипнула задняя дверь.

– Привет, Ирвин! Как жизнь?

– Сносно. Колено немного ноет.

– Мне жаль. Ты не можешь оставить еще одну кварту молока и галлон этого лимонада?

– Конечно, – обреченно согласился он. – Я знал, что сегодня такой день.

Она занялась яичницей, не обращая внимания на его ворчание. Ирвин Пьюринтон всегда найдет чем быть недовольным, хотя, видит Бог, после того как его ведьма свалилась с лестницы

в подвале и свернула себе шею, он должен чувствовать себя самым счастливым человеком на свете!

Без четверти шесть, когда она допивала вторую чашку кофе и только закурила сигарету, о стенку дома стукнулась свернутая в трубку «Пресс геральд» и угодила в куст роз. Третий раз за неделю! Судя по всему, доставка газет лишила парня Килби последних мозгов! Ладно, газета может подождать. Первые лучи солнца, проникавшие в окна с восточной стороны, окрашивали все золотом. Сейчас было самое хорошее время суток, и она не позволит ничему его испортить.

Пользование плитой и холодильником, как и смена белья, входило в плату за жилье, и скоро мирную тишину непременно нарушат Гровер Веррилл и Микки Сильвестр, которые спустятся вниз варить свою овсянку, а потом отправятся в Гейтс-Фоллс, где работают на текстильной фабрике.

Как будто в подтверждение ее мыслям, со второго этажа донесся шум спускаемой в туалете воды и послышались тяжелые шаги Сильвестра на лестнице.

Ева со вздохом поднялась и направилась доставать из кустов газету.

5

Пять минут седьмого утра.

Сэнди Макдугалл – худощавую девушку, уже начавшую терять зачатки девичьей привлекательности, – разбудил плач ребенка, и она с трудом поднялась, так и не сумев разлепить веки.

– Иду! – крикнула она.

Ребенок, услышав ее голос, разошелся еще больше.

– Заткнись! Сказала же, что иду!

Она добралась по узкому проходу дома на колесах до кухни, вытащила из холодильника бутылочку Рэнди и, посомневавшись, решила ее не разогревать. Если так проголодался, то выпьет и холодным.

Вернувшись в спальню, она недовольно посмотрела на своего болезненного и капризного десятимесячного сына. В прошлом месяце он начал ползать. Может, у него полиомиелит или еще что. Руки у мальчика были чем-то перепачканы, стены тоже. Она наклонилась, пытаясь сообразить, во что он вляпался.

Сэнди исполнилось семнадцать лет, и в июле они с мужем отметили свою первую годовщину свадьбы. Она вышла замуж за Ройса Макдугалла на седьмом месяце беременности, когда живот был очень даже заметен. Их брак был благословенным спасением, как верно выразился отец Каллахэн. Правда, сейчас он казался больше похожим на кучу дерьма.

Приглядевшись к сыну, Сэнди с ужасом поняла, что именно дерьмом тот и перемазался, испачкав руки, волосы и стену. Она стояла с холодной бутылкой в руках, тупо глядя на него.

И ради этого она бросила школу, друзей, отказалась от заветной мечты стать манекенщицей! Ради этого убогого трейлера с кишачими на полках муравьями! Ради мужа, который весь день работает на фабрике, а вечера проводит в баре со своими никчемными друзьями или за игрой в покер. Ради сына, так похожего на своего придурка отца и перемазавшего своим дерьмом все вокруг.

Ребенок орал во все горло.

– Заткнись! – взорвалась Сэнди и запустила в него пластиковой бутылкой. Та угодила ребенку в лоб и опрокинула его на спину. Малыш зашелся в крике, размахивая ручками. Под волосиками проступило красное пятно, и на Сэнди накатилась волна из жуткой смеси удовольствия, жалости и ненависти. Она достала малыша из кровати как тряпку.

– Заткнись! Заткнись! Заткнись! – Не в силах сдержать себя, она дважды сильно его шлепнула.

От боли ребенок уже не мог кричать и только задыхался. Его лицо посинело.

– Прости меня, – пробормотала Сэнди. – Господи Боже! Прости. С тобой все в порядке, малыш? Подожди, сейчас мамочка тебя вытрет.

Когда она вернулась с мокрой тряпкой, глаза у Рэнди заплаыли, и под ними наливались синяки. Но бутылочку он взял, и когда Сэнди начала вытирать личико влажной тряпкой, беззубо улыбнулся.

Она решила сказать Рою, что ребенок упал со столика, когда она его переодевала. Муж поверит. Дай Бог, чтобы поверил!

6

Без четверти семь утра.

Большинство «синих воротничков» Салемс-Лота находились в пути на работу. Майк Райерсон принадлежал к тем немногим, кто трудился в самом городе. В годовом городском отчете он числился служащим по уходу за территорией, но фактически присматривал за тремя городскими кладбищами. Летом работы хватало, но и зимой он не сидел сложа руки, хотя некоторые, вроде заносчивого владельца магазина скобяных товаров Джорджа Миддлера, думали иначе. Майк подрабатывал помощником городского гробовщика Карла Формана, а большинство стариков отходили в мир иной именно в зимние месяцы.

Сейчас он в своем пикапе направлялся по Бернс-роуд; в кузове машины лежали секаторы, шпалерные ножницы, работающие от аккумулятора, коробка с переносными ограждениями, монтажный лом для выравнивания покосившихся надгробий и две газонокосилки фирмы «Бриггс и Страттон».

Майк собирался покосить утром траву на Хармони-Хилл, подправить, где нужно, каменную ограду, а после обеда отправиться на другой конец города, где на Школьном холме располагалось еще одно кладбище. Туда нередко навевались учителя, чтобы сделать наброски с могил членов канувшей в Лету общины шекеров⁵. Из трех городских кладбищ Майку больше всего нравилось то, что на Хармони-Хилл. Оно, конечно, не было таким старым, как на Школьном холме, но зато располагало к умиротворению и здесь росло много тенистых деревьев. Он надеялся, что когда-нибудь, лет так через сто, и его похоронят именно здесь.

Майку исполнилось двадцать семь лет, и он даже успел поучиться в колледже, правда, всего три года, но надеялся когда-нибудь вернуться и завершить обучение. Будучи привлекательным внешне, он по выходным без труда находил себе женскую компанию в заведении «У Делла» или Портленде. Кое-кого из девушек отпугивала его работа, и Майк искренне не мог понять почему. Работа вполне приличная, на свежем воздухе, к тому же над душой не стоит никакой начальник. И что с того, если иногда надо вырыть могилу или сесть за руль катафалка Карла Формана? Майк вообще считал, что естественнее смерти для человека был только секс.

Мурлыча под нос песенку, он повернул на Бернс-роуд и перешел на вторую передачу, поскольку дальше путь лежал в гору. За машиной клубилось облако пыли, среди листвы по обеим сторонам дороги то и дело бросались в глаза голые и похожие на обглоданные кости стволы – печальное напоминание о пожаре 1951 года. Майк знал, что там такой бурелом, что можно запросто сломать ногу. Даже по прошествии двадцати пяти лет шрамы от пожара так и не зарубцевались полностью, что лишний раз напоминало о простой истине: среди жизни всегда ходит смерть.

Кладбище располагалось на гребне холма, и Майк уже подъезжал к воротам, готовясь выйти и отпереть их, как вдруг резко ударил по тормозам.

На чугунной решетке ворот висела головой вниз собака, а на земле под ней расплылось пятно подсыхавшей крови.

⁵ Секта, называвшая себя «Церковь Царствия Божьего на Земле», отколовшаяся от квакеров в середине XVIII в.

Майк выскочил из машины и побежал к воротам, на ходу вытаскивая из заднего кармана рабочие перчатки. Надев их, он осторожно приподнял голову пса. Та поддалась с неожиданной легкостью и уставилась на него невидящим взглядом остекленевших глаз. Да это же Док – дворняжка Пьюринтона! Собака висела на пруте ограды, как туша на крюке в лавке мясника. По ее телу уже ползали мухи, еще не толком не проснувшиеся в утренней прохладе.

Майк обхватил тело собаки и снял с ограды, преодолевая тошноту от хлюпающих звуков, сопровождавших каждое его движение. Ему не раз приходилось сталкиваться с кладбищенским вандализмом, особенно во время Хеллоуина, но до Дня всех святых оставалось целых полтора месяца, а такое кошунство он видел впервые. Обычно дело ограничивалось несколькими перевернутыми надгробиями, непристойными надписями или подвешиванием на воротах картонного скелета. Но если это убийство – дело рук подростков, они просто уроды! Ирвин с ума сойдет от горя.

Поразмыслив, не стоит ли сразу отвезти труп собаки в город и показать Паркинсу Гиллеспи, Майк решил, что это может подождать и до обеда; правда, он сомневался, что у него теперь будет аппетит.

Отперев ворота, Майк посмотрел на перепачканные кровью перчатки. Решетку придется отмывать. Похоже, на другое кладбище ему сегодня попасть не удастся. Майк заехал внутрь и припарковался, уже не мурлыча под нос. Настроение было испорчено.

7

Восемь часов утра.

Громоздкие желтые школьные автобусы совершали обычные маршруты, забирая поджидавших на улице детей с завтраками в руках. За рулем одного из них сидел Чарли Роудс, чей маршрут проходил по Тэггарт-Стрим-роуд в восточной части города и верхней половине Джойнтер-авеню.

Дети в нем были самыми дисциплинированными не только в Салемс-Лоте, но и во всем школьном округе. Никакого гама, никакой возни или дерганья за косички. Ребята ведут себя смирно, иначе им придется пару миль до Стэнли-стрит, где находится школа, шагать пешком и объяснять в кабинете директору, почему так вышло.

Чарли знал, что о нем думают дети и как называют за глаза, но это его ничуть не смущало. Он не допустит в своем автобусе никаких шалостей и озорства. Пусть приберегут свои выкрутасы для учителей-слюнтяев.

Директор школы на Стэнли-стрит как-то имел наглость поинтересоваться, не слишком ли Чарли «погорячился», когда заставил мальчишку Дэрхэма добираться до школы пешком три дня кряду только за то, что он позволил себе разговаривать в автобусе громче положенного. Чарли просто молча смерил директора взглядом, и тот – желторотый юнец, всего четыре года как из колледжа, – смущенно отвел глаза. Заведующий автобусным автопарком Управления образования Дэйв Фелсен был старым приятелем – они вместе тянули лямку на войне в Корее и отлично понимали друг друга. Понимали, что творится со страной. Понимали, что именно те, кто в 1958 году разговаривал «громче положенного», в 68-м мочились на флаг.

Взглянув в широкое зеркало над головой, он заметил, как Мэри Кейт Григсон передала записку своему ухажеру Бренту Тенни. Наверняка уже трахаются. Сегодня в средней школе это обычная вещь.

Он затормозил и включил аварийный сигнал. Мэри Кейт и Брент испуганно переглянулись.

– Соскучились по разговорам? – спросил он, глядя в зеркало. – Ну так поговорите на свежем воздухе!

Он открыл двери и подождал, пока те не выбрались из автобуса к черту.

Девять часов утра.

Проныра Крейг скатился с кровати на пол. Сквозь раскрытое окно в его комнате на втором этаже нещадно палило солнце. В голове тошнотворно гудело. А писака наверху уже стучал на машинке. Господи, каким же надо быть кретином, чтобы долбить как дятел с утра до вечера!

Добравшись до календаря на стене, Крейг посмотрел, какой наступил день недели: вдруг уже пора получать пособие по безработице? К сожалению, сегодня была только среда.

Похмелье было не особенно тяжелым. Он проторчал в заведении «У Делла» до самого закрытия, то есть до часу ночи, но на два доллара особо не разгуляешься, а когда они кончились, удалось выклянчить у посетителей всего-то пару кружек пива. С неудовольствием отметив про себя, что начал терять форму, Крейг поскреб щеку.

Натянув зеленые рабочие брюки и теплую фуфайку, которую носил зимой и летом, Крейг открыл шкаф и достал свой завтрак: бутылку теплого пива, чтобы выпить на месте, и коробку с овсянкой из продуктового набора государственной помощи бедным для поглощения на кухне. Правда, он обещал хозяйке помочь по хозяйству, так что не исключено, что она его чем-то и угостит.

Он не особо переживал, что это отголоски тех далеких времен, когда Ева Миллер делила с ним постель. Ее муж погиб от несчастного случая на лесопилке, который, несмотря на трагичность исхода, можно назвать даже курьезным. В те дни на лесопилке работало до семидесяти человек, и Ральф Миллер был одним из кандидатов на пост управляющего.

А смешно было то, что Ральф Миллер и близко не подходил к станкам с 1952 года, то есть ни разу за все семь лет, как его перевели из бригадиров в дирекцию. Этим начальство выразило Ральфу свою благодарность, которую Проныра считал вполне заслуженной.

Когда шквальный ветер перенес огонь большого пожара через Джойнтер-авеню, казалось, уже ничто не может спасти лесопилку. У пожарных расчетов, приехавших из шести соседних городов, и без того хватало забот в Салемс-Лоте, чтобы выделять людей для борьбы с огнем на лесопилке. Тогда Ральф Миллер мобилизовал всех рабочих второй смены и организовал из них пожарную команду, которая под его руководством поливала водой крышу лесопилки и в итоге сделала то, чего не сумели все остальные пожарные по другую сторону от Джойнтер-авеню. А именно: соорудила противопожарный разрыв, который остановил огонь и направил на юг, где его смогли уже полностью потушить.

Через семь лет, показывая лесопилку потенциальным покупателям из Массачусетса, он, поскользнувшись в луже, случайно оступился и угодил в расщепитель древесных отходов прямо у них на глазах. Понятно, что сделка сорвалась и спасенная им в 1951 году лесопилка окончательно закрылась в феврале 1960 года.

И вот теперь, шестнадцать лет спустя, Проныра снимал комнату у женщины, с которой когда-то спал и которую до сих пор находил чертовски привлекательной.

Он посмотрелся в забрызганное водой зеркало и расчесал седые волосы, которые и в шестьдесят семь лет оставались густыми и красивыми. Казалось, они были единственной частью его внешности, над которой алкоголь оказался не властен. Затем он накинул рабочую рубашку и, прихватив коробку с овсянкой, отправился вниз.

Едва Крейг оказался в залитой солнцем кухне, как его тут же атаковала вдова.

– Послушай, Проныра, ты не мог бы протереть полиролем перила, когда позавтракаешь? Найдется минутка? – Они оба делали вид, что он помогает ей по доброте душевной, а вовсе не отрабатывает свое проживание в комнате, стоившее четырнадцать долларов в неделю.

– Конечно, найдется, Ева.

– И еще ковер в гостиной...

– ...надо перевернуть. Я помню.

– Как с утра голова? – деловито поинтересовалась она, но Крейг уловил в ее тоне нотки жалости, хотя она и пыталась ее всячески скрыть.

– Голова в порядке, – раздраженно заверил он, ставя кастрюлю с водой на конфорку.

– Ты вчера пришел поздно, поэтому и спрашиваю.

– Ты что – шпионишь за мной? – шутливо подмигнул Крейг и с удовольствием убедился, что Ева еще умеет краснеть как школьница, хотя всякие любовные шалости они оставили лет десять назад.

– Послушай, Эд...

Она была единственной, кто по-прежнему называл его по имени. Для всех остальных он был Проньрой. Да пусть зовут как хотят. Но прозвище прилепилось к нему прочно.

– Не обращай внимания, – проворчал он. – Я встал не с той ноги.

– Судя по звуку, ты не встал, а упал, – тут же отреагировала Ева, и Проньра хмыкнул. Он сварил и съел ненавистную овсянку, после чего взял полироль и тряпки и вышел не оглядываясь.

Наверху по-прежнему раздавался стук пишущей машинки. Винни Апшо, живший на том же этаже в комнате напротив, рассказывал, что этот парень начинает каждое утро в девять часов и печатает до полудня. Потом в три часа садится снова и стучит до шести, а потом еще раз – с девяти до полуночи. Проньра искренне не мог взять в толк, как в голове одного человека может уместиться столько слов.

А так парень с виду был вполне приличным, и не исключено, что как-нибудь вечером его удастся раскрутить на несколько кружек пива в забегаловке «У Делла». Говорят, что писатели любят выпить.

Проньра принялся методично натирать полиролем перила, и его мысли снова вернулись к вдове. На деньги, полученные по страховке за гибель мужа, миссис Миллер превратила это здание в пансион – и неплохо справлялась! А почему нет? Она вкалывала как ломовая лошадь. Судя по всему, при живом муже она привыкла к регулярному сексу, а когда скорбь от его кончины улеглась, потребность и дала о себе знать. Господи, как же ей это дело нравилось!

В те годы – самое начало шестидесятых – его называли Эдом, а не Проньрой, у него была хорошая работа, и он еще не пил. Вот тогда, одной январской ночью 1962 года, они с Евой и оказались в одной постели.

Перестав натирать перила, Проньра задумчиво посмотрел в узкое окошко на лестничной площадке второго этажа. За ним беспечно светило яркое летнее солнце, будто издеваясь над подступавшей осенью и холодной зимой, которая придет ей на смену.

Так уж вышло, что они оказались в постели у нее в спальне, а когда все кончилось, она заплакала в темноте и сказала, что они поступили плохо. Он не согласился, хотя и сам не знал, хорошо это или плохо, да и не задумывался об этом. За окном завывал холодный северный ветер, а в спальне было тепло и безопасно, и они в конце концов уснули, прижавшись друг к другу, как убранный в коробку столовое серебро.

Господи Боже, время точно похоже на реку. Интересно, знает ли об этом писатель?

Проньра снова вернулся к работе и начал натирать перила широкими размашистыми движениями.

9

Десять часов утра.

В начальной школе на Стэнли-стрит наступила перемена. Это невысокое новое здание, построенное на средства округа, являлось предметом настоящей гордости Салемс-Лота.

Современные залитые светом классы только подчеркивали, какой старой и темной была средняя школа на Брок-стрит.

Ричи Боддин – первый в школе задира, немало гордившийся этим обстоятельством, – неторопливо вышел во двор, высматривая наглого умника, которому известны все ответы по математике. В его школе каждый новичок должен знать свое место и понимать, кто тут главный. Особенно такие учительские любимчики, как этот очкарик.

В свои одиннадцать лет Ричи весил целых сто сорок фунтов. Мать постоянно хвасталась перед знакомыми его невероятными размерами, так что он отлично знал, каким был огромным. Иногда ему даже казалось, что от его шагов дрожит земля. А когда он вырастет, обязательно станет тоже, как и отец, курить «Кэмел».

Четвертым и пятым классам он внушал ужас, а малышня вообще почитала его за школьное божество. Когда он перейдет в седьмой класс на Брок-стрит, здешний пантеон осиротеет, лишившись своего главного злого духа. Жизнь была хороша!

А вон и новичок по фамилии Питри, ждавший своей очереди сыграть в футбол.

– Эй! – крикнул Ричи.

Все, кроме Питри, испуганно обернулись и с облегчением выдохнули, увидев, что взгляд Ричи обращен не на них.

– Эй, ты! Очкарик!

Марк Питри обернулся и посмотрел на Ричи. Очки в металлической оправе сверкнули на солнце.

Ростом он не уступал Ричи – тоже высился над большинством одноклассников, – но был худым и долговязым. Выражение его интеллигентного лица казалось беззащитным.

– Ты ко мне обращаешься?

– «Ты ко мне обращаешься?» – передразнил Ричи фальцетом. – Ты знаешь, очкарик, что у тебя голос как у педика?

– Нет, не знаю, – ответил Марк Питри.

Ричи сделал шаг вперед.

– Уверен, что ты даешь старым и вонючим мужикам.

– В самом деле?

Его издевательски вежливый тон выводил Ричи из себя.

– Да, и не раз в неделю, а каждый божий день!

Вокруг стали собираться ребята, чтобы посмотреть, как Ричи отделает новичка. Мисс Холкомб, которая на этой неделе дежурила на игровой площадке, следила за малышами на качелях и ничего не видела.

– Чего тебе надо? – поинтересовался Марк Питри, разглядывая Ричи как диковинное насекомое.

– «Чего тебе надо?» – снова передразнил Ричи писклявым голосом. – Мне ничего не надо! Я просто слышал, что ты паршивый педик, вот и все!

– В самом деле? – все так же вежливо переспросил Марк. – А я вот слышал, что ты огромная куча вонючего дерьма.

Наступила мертвая тишина. Мальчишки замерли: еще ни разу в жизни им не доводилось видеть, как человек сам себе подписывает смертный приговор. Впервые столкнувшись с отпором, Ричи опешил не меньше их.

Марк снял очки и протянул стоявшему рядом мальчику.

– Подержи, пожалуйста.

Мальчик молча взял очки, испуганно тараща глаза.

Ричи бросился вперед, чувствуя, как под ногами задрожала земля. Его переполняла уверенность в победе и злорадное желание смести противника и растоптать его. Размахнувшись,

Ричи нанес удар правой, целя очкарику-педик у прямо в зубы. Тот будет долго их собирать по земле. *Записывайся к дантисту, педик! Твой час пробил!*

Марк Питри нырнул под удар и отскочил в сторону. Кулак пронесся над головой, по инерции увлекая за собой Ричи. Марку оставалось только подставить ножку. Ричи Боддин, громко охнув, с размаху грохнулся на землю. Толпа наблюдателей восторженно взвыла.

Марк отлично понимал, что стоит неуклюжему толстяку подняться, и ему точно не поздоровится. Проворства ему было не занимать, но для победы в школьном поединке одной ловкости было явно недостаточно. Случись такое в уличной драке, сейчас было бы самое время пуститься наутек и, оторвавшись от неповоротливого противника на безопасное расстояние, обернуться и показать ему издали какой-нибудь оскорбительный жест. Но они находились на школьном дворе, и он понимал, что, если сейчас не разобраться с этим жирным ублюдком раз и навсегда, тот от него точно не отстанет.

Все эти мысли промелькнули в голове Марка за долю секунды.

Он вскочил Ричи Боддину на спину.

Тот зарычал, и толпа снова изумленно охнула. Марк ухватил руку Ричи в районе запястья – причем специально через рукав, чтобы та не выскользнула, – и завел, вывернув, за спину. Ричи закричал от боли.

– Сдавайся! – сказал Марк.

В ответ послышалась такая тирада из отборных ругательств, что ей позавидовал бы даже бывалый моряк.

Марк еще сильнее вывернул Ричи руку, и тот снова закричал. Его переполняли негодование, страх и непонимание. Такого раньше никогда не случалось! Этого просто не может быть! Чтобы какой-то педик-очкарик сидел у него на спине и выворачивал руку, заставляя кричать от боли на глазах у подчиненных?!

– Сдавайся! – повторил Марк.

Ричи с трудом поднялся на четвереньки. Марк обхватил его коленями за бока и оседлал. Они оба перепачкались в пыли, но у Ричи вид был совсем жалкий: пунцовое от напряжения лицо перекосилось от боли, глаза выскакивали из орбит, а на щеке алела царапина.

Ричи попытался стряхнуть Марка с плеч, но тот еще сильнее вывернул ему руку. На этот раз раздался не крик, а истошный вопль.

– Сдавайся, или я, видит Бог, сломаю тебе руку!

Рубашка Ричи выбилась из брюк, обнажив покрытый потом и царапинами живот. Всклипывая, он раскачивался из стороны в сторону, пытаясь сбросить проклятого педика, но тот держался крепко. Плечо горело, а рука онемела.

– Отпусти, сукин ты сын! Так нечестно!

Новый приступ боли.

– Сдавайся!

– Нет!

Потеряв равновесие, здоровяк растянулся на земле, глотая пыль. Боль в руке была невыносимой. Пыль попала в глаза, и Ричи беспомощно задрывал ногами. Он забыл, какой он большой и сильный. Как во время ходьбы у него под ногами дрожала земля. Он забыл, что собирался курить «Кэмел», как отец, когда вырастет.

– Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! – завопил он. Ему казалось, что он готов кричать часами и даже днями напролет, лишь бы его руку отпустили.

– Скажи: «Я куча вонючего дерьма».

– Я куча вонючего дерьма! – закричал Ричи, глотая пыль.

– Ладно.

Разжав бедра, Марк Питри отскочил в сторону и смотрел, как Ричи медленно поднимается. После сильного напряжения у Марка ныли ноги, и ему оставалось только надеяться, что здоровяк смирился со своим поражением. Если нет, то Ричи из него точно сделает отбивную.

Ричи поднялся и обвел взглядом присутствующих. Все отводили глаза, делая вид, что занимаются своими делами. И даже этот недоносок Глик смотрел на педика, словно на некое божество.

Ричи стоял в одиночестве, не в силах поверить, как быстро свершилось его падение. На перепачканном пылью лице появились дорожки от слез ярости и унижения. Ричи прикидывал, не стоит ли броситься на Марка Питри.

Но стыд и страх, неизвестные ему раньше, сейчас взяли верх. Он поквитается позже. Рука ныла, как больной зуб. *Проклятый сукин сын! Дай мне только до тебя добраться...*

Но не сегодня. Он повернулся и, опустив глаза, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, побрел с площадки прочь. И земля от его шагов больше не дрожала.

Там, где стояли девчонки, раздался смех. Тонкий и издевательский. Он не стал смотреть, кто это был.

10

Четверть двенадцатого утра.

Для городской свалки Джерусалемс-Лота использовался старый гравийный карьер, который в 1945 году оказался полностью выработанным и уперся в залежи глины. Карьер находился в конце отрога, что шел от Бернс-роуд в двух милях от кладбища на Хармони-Хилл.

До Дада Роджерса доносилось слабое тарахтенье газонокосилки Майка Райерсона внизу по дороге, пока его не заглушил треск огня.

Дад был сторожем свалки с 1956 года, и его регулярное переизбрание на эту должность было чистой формальностью и проходило под шумное одобрение. Он жил на самой свалке в небольшом сарае с перекошенной дверью. Дад перебрался сюда три года назад, когда ему удалось выклянчить у скупердеев из городского управления обогреватель.

Он был горбуном с искривленной шеей, как будто Господь раздраженно дернул его за голову, прежде чем позволил появиться на свет. Длинные руки, свисавшие, как у обезьяны, почти до колен, обладали невероятной силой. Когда ремонтировали магазин скобяных товаров, четыре человека с трудом затащили старый сейф в кузов автофургона, а Дад в одиночку сумел не только опустить его на землю, но и дотащить до восточной части свалки. От напряжения жилы на руках тогда вздулись, как переплетенные канаты, а набухшие на лбу и шее вены походили на толстую проволоку в синей оплетке.

Дад любил свалку. Ему нравилось гонять мальчишек, приходивших бить бутылки, и направлять машины на разгрузку в нужное место. Ему нравилось копаться в мусоре, что было его законным правом. Наверное, над ним смеялись, завидев шагающим по горам мусора в сапогах и резиновых перчатках, с пистолетом в кобуре, рюкзаком за плечами и ножом в руке. Пускай смеются! На свалке попадалась медная проволока, а иногда даже медные кожухи в пришедших в негодность двигателях, а за медный лом в Портленде давали неплохие деньги. На свалке встречались старые комоды, стулья и диваны, которые еще можно было отремонтировать, а потом продать антикварам. Дад надувал антикваров, антиквары надували туристов, и все были в выигрыше: разве не так устроен весь мир? Пару лет назад он нашел кровать со сломанной рамой и продал какому-то педик из Уэллса за двести баксов. Этот педик чуть с ума не сошел от радости, что приобрел настоящий раритет из Новой Англии, не зная, как тщательно Дад оттирал шкуркой надпись на передней спинке кровати «Сделано в Гранд-Рapidсе, штат Мичиган».

На дальнем конце была свалка старых автомобилей: «бьюиков», «фордов», «шевроле» и всяких прочих. Господи, чего только люди не оставляли в брошенных машинах! Самым ценным там были радиаторы, но и карбюраторы, предварительно вымочив в керосине, можно было продать по семь долларов за штуку. А чего стоили ремни вентилятора, фонари заднего хода, крышки прерывателя-распределителя, ветровые стекла, рулевые колеса, коврики...

Да, свалка – это чудесное место! Диснейленд и Шангри-Ла в одном флаконе. Но самым лучшим на свалке были даже не деньги, вырученные от продажи хлама и спрятанные в черной коробке, которую он закопал под креслом.

Самым лучшим был огонь и... крысы!

Утром по воскресеньям и четвергам и вечером по понедельникам и пятницам Дад жег мусор на отдельных участках свалки. Особенно красиво разведенный огонь выглядел вечерами. Дад ухаживал за неяркими с розовым отливом языками пламени, которые вспыхивали на зеленых пластиковых пакетах с мусором, пачках старых газет и картонных коробках. Но утренние процедуры были лучше из-за крыс.

Дад устроился в кресле и наблюдал, как огонь постепенно распространялся и в небо, прогоняя чаек, устремлялись клубы черного дыма. Скоро побегут крысы, и Дад ждал их появления с пистолетом двадцать второго калибра в руке.

Крысы появлялись полчищами. Огромные, грязно-серые, с розовыми глазами. Бока усеяны блохами и клещами, а хвосты похожи на толстую розовую проволоку. Дад обожал стрелять крыс.

– Ты покупаешь много патронов, Дад, – говорил Джордж Миддлер из магазина скобяных товаров своим противным голосом, выкладывая на прилавок коробки с боеприпасами. – Счет опять выставишь городу?

Это была старая шутка. Несколько лет назад Дад предъявил Биллу Нортону квитанцию об оплате двух тысяч патронов «дум-дум» и попросил возместить расходы, но в ответ тот просто выставил его за дверь.

– Ты же понимаешь, Джордж, – отвечал Дад, – это все ради блага общества!

Ну вот, показалась первая толстая крыса. Это будет Джордж Миддлер. Крыса слегка прилакивала заднюю лапу, и во рту у нее торчал сморщенный кусок куриной печенки.

– Привет, Джордж, и прощай! – произнес Дад и нажал на курок.

Звук выстрела был негромким и совсем не впечатлял, но крыса дважды перевернулась и осталась лежать, дергая лапками. Пули «дум-дум» знали свое дело. Когда-нибудь он обзаведется «магнумом» сорок пятого калибра или триста пятьдесят седьмого калибра и посмотрит, что тогда будет за эффект.

А теперь следующая. Эта будет потаскушка Рути Крокетт – та самая, что всегда ходит в школу без лифчика и, увидев Дада на улице, пихает локтем подружку и хихикает. *Бах! Прощай, Рути.*

Крысы опрометью бросились искать спасения на дальнем краю свалки, но Дад удалось подстрелить еще шесть штук. Неплохой результат для одного утра – ничего не скажешь! Если пойти и поглядеть, то клещи будут разбегаться с их остывающих тел как... как крысы с тонущего корабля!

Эта мысль показалась Дад на редкость забавной, и он, запрокинув назад нелепо повернутую голову, разразился громким раскатистым смехом, а огонь продолжал плясать на мусоре неровными языками пламени.

Жизнь удивительно хорошая штука!

Долгий гудок городской сирены возвестил начало перемены во всех трех школах и наступление полудня. Второй член городского правления и владелец фирмы «Страхование и недвижимость Южного Мэна» Лоренс Крокетт отложил книгу, которую читал («Сексуальные рабыни сатаны») и проверил, правильно ли ходят наручные часы. Затем подошел к двери и повесил табличку «Вернусь в час». Его распорядок дня никогда не менялся. Он отправится в кафе «Экселлент», возьмет два чизбургера с овощами и приправой, чашку кофе и выкурит сигару, любуясь ножками официантки Паулин.

Подержав за ручку и убедившись, что дверь заперта, он направился по Джойнтер-авеню. Остановившись на углу, бросил взгляд на Марстен-Хаус. Перед входом в дом, сверкая на солнце, стоял автомобиль. Лоренс снова почувствовал смутное беспокойство. Больше года назад он продал в одном пакете Марстен-Хаус и заброшенную городскую прачечную. За всю его жизнь это была самая необычная сделка, хотя чего-чего, а сомнительных сделок на счету Лоренса было предостаточно. Машина скорее всего принадлежала некоему Стрейкеру, Р. Т. Стрейкеру, от которого только сегодня утром он получил письмо.

Человек с таким именем появился в офисе Крокетта июльским вечером чуть больше года назад. Прежде чем войти, он немного постоял на тротуаре. Несмотря на жару, мужчина был одет в темную тройку, однако на лысом, как бильярдный шар, черепе не было заметно ни малейших следов испарины. На резко очерченном лице глазные впадины казались высверленными под черными как смоль бровями. В руке мужчина держал тонкий черный портфель. В тот момент Ларри находился в офисе один. Секретарша – девушка из Фалмута, с выдающейся во всех отношениях грудью – работала у него только до обеда, а вторую половину дня трудилась в офисе адвоката в Гейтс-Фоллис.

Лысый мужчина опустил в кресло для клиентов, положил портфель на колени и молча уставился на Ларри Крокетта. Прочитать что-нибудь в его глазах было невозможно, и Ларри это не понравилось. Он любил заранее определять по глазам, чего именно хотелось клиенту, еще до того как тот открывал рот. Этот же мужчина не остановился перед доской с фотографиями выставленных на продажу домов, не протянул руки, не представился и даже не поздоровался.

– Чем могу служить? – поинтересовался Ларри.

– Меня направили приобрести в вашем чудесном городе недвижимость для жилья и бизнеса, – ответил тот. Он говорил таким же бесстрастным и лишенным жизни голосом, каким сообщают прогноз погоды в справочной службе по телефону.

– Так это замечательно! – воскликнул Ларри. – У нас есть несколько отличных домов, которые вас наверняка заинтере...

– В этом нет необходимости, – прервал его лысый, поднимая руку. Ларри поразили невероятной длине его пальцев: средний был не меньше четырех дюймов. Может, даже все пять. – Для бизнеса нас вполне устроит помещение за зданием муниципалитета. То, что выходит в парк.

– Да, оно продается. Раньше там была прачечная самообслуживания, но год назад она закрылась. Она вполне подойдет вам, если вы...

– А для жилья, – снова прервал его лысый мужчина, – мы хотели бы приобрести дом, который в городе известен как Марстен-Хаус.

Ларри был ошеломлен, но он слишком долго занимался этим бизнесом, чтобы ничем не выдать своего изумления.

– Вот как?

– Да. Меня зовут Стрейкер. Ричард Трокетт Стрейкер. Все бумаги должны быть оформлены на мое имя.

– Отлично! – отозвался Ларри. В серьезности намерений клиента сомневаться не приходилось. – За Марстен-Хаус просят четырнадцать тысяч долларов, хотя, возможно, мне удастся убедить владельцев немного снизить цену. Что касается старой прачечной...

– Так не пойдет. Я уполномочен заплатить один доллар.

– Один?.. – Ларри чуть повернул голову, как обычно делают, когда не уверены, что слышали.

– Да. Одну минуту.

Длинные пальцы Стрейкера скользнули по замку портфеля, расстегнули его и вытащили голубую прозрачную папку с бумагами.

Ларри нахмурился и молча ждал.

– Пожалуйста, прочитайте. Так будет быстрее.

Откинув пластиковую обложку, Ларри посмотрел на первый лист с видом человека, который делает одолжение сумасшедшему. Его взгляд скользнул по документу и, выхватив какие-то строчки, остановился на них.

Стрейкер тонко улыбнулся, достал из кармана золотой портсигар и выбрал сигарету. Постучав ею по крышке, он чиркнул спичкой, и кабинет наполнил резкий аромат турецкого табака.

Следующие десять минут в кабинете царило молчание, нарушаемое только тихим гулом вентилятора и доносившимся с улицы приглушенным шумом проезжавших машин. Докурив сигарету до конца, Стрейкер раздавил пальцами тлеющий окурок и закурил новую.

Потрясенный Ларри поднял голову – на его лице не было ни кровинки.

– Это какая-то шутка! Кто вас прислал? Джон Келли?

– Я не знаю никакого Джона Келли. И это не шутка.

– Эти бумаги... Акт отказа от права, скрепленный печатью... Земля... Господи, да вы знаете, что этот участок стоит полтора миллиона долларов?!

– Не смешите меня! – холодно заметил Стрейкер. – Он стоит четыре миллиона. А когда построят торговый центр, станет еще дороже.

– И чего вы хотите? – спросил Ларри внезапно охрипшим голосом.

– Я уже говорил вам, чего хочу. Мы с партнером собираемся открыть в этом городе бизнес. А жить намереваемся в Марстен-Хаусе.

– Какой еще бизнес? «Убийство инкорпорейтед»?

Стрейкер холодно улыбнулся.

– Боюсь, что речь идет о самом обыкновенном мебельном магазине. С упором на антиквариат для ценителей. Мой партнер является в этом настоящим докой.

– Чушь! – уже не сдерживался Ларри. – Марстен-Хаус вы могли бы купить за восемь с половиной кусков, а прачечную – за шестнадцать. Ваш партнер наверняка это знает. И вам обоим отлично известно, что в городе нет рынка для эксклюзивной мебели и антиквариата.

– Мой партнер весьма сведущ во всех вопросах, представляющих для него интерес, – заверил Стрейкер. – Он знает, что ваш город стоит на шоссе, по которому ездят туристы и дачники. Они и составят основную клиентуру. Но вас это совершенно не касается. Вы убедились, что с бумагами все в порядке?

Ларри постучал по столу голубой папкой.

– Похоже, что так. Но меня вам провести не удастся, что бы вы там ни говорили.

– Разумеется, нет! – Стрейкер говорил подчеркнуто вежливо, но в его тоне звучало презрение. – Насколько я знаю, у вас в Бостоне имеется адвокат. Некий Фрэнсис Уолш.

– Откуда вам это известно? – поразился Ларри.

– Это не важно. Покажите бумаги ему. Он подтвердит их законность. Земля, на которой собираются построить торговый центр, станет вашей, если вы выполните три условия.

– Ну вот, – с явным облегчением отозвался Ларри. – Есть условия! – Он откинулся на спинку кресла, выбрал сигару из керамической коробки на столе и, чиркнув спичкой о кожаную подошву ботинка, раскурил ее. – Похоже, теперь поговорим по существу. Выкладывайте!

– Первое. Вы продаете мне Марстен-Хаус и помещение для бизнеса за один доллар. Собственником дома является риелторская фирма в Бангоре, а здание прачечной принадлежит портлендскому банку. Я уверен, что оба продавца не станут возражать, если вы покроете разницу до минимально приемлемой цены. С учетом ваших комиссионных, разумеется.

– Откуда у вас эта информация?

– Это вас не касается, мистер Крокетт. Условие номер два. Вы никому не станете рассказывать о нашей сегодняшней сделке. Никому. Если возникнут вопросы, вы скажете только то, что я уже говорил: мы два партнера, которые собираются открыть бизнес, ориентированный на туристов и дачников. Это очень важно!

– Я не болтлив.

– И все же я хочу, чтобы вы осознали всю серьезность этого условия. Может так случиться, мистер Крокетт, что рано или поздно вам захочется рассказать кому-то, какую удачную сделку вы сегодня совершили. Если вы это сделаете, я об этом узнаю. И уничтожу вас. Это понятно?

– Звучит как цитата из дешевого шпионского фильма!

Хотя Ларри и отреагировал нарочито небрежно, но в душе он ощутил неприятный холодок страха. Обыденность, с которой прозвучала угроза, была похожа на небрежность кивка при встрече, что придавало угрозе зловещую достоверность. И откуда, черт возьми, этот тип узнал про Фрэнка Уолша? О нем не было известно даже жене!

– Вы понимаете меня, мистер Крокетт?

– Да, – сказал Ларри. – Я умею держать язык за зубами.

– Разумеется. Поэтому я и обратился к вам. – Губы Стрейкера тронула тонкая улыбка.

– А третье условие?

– В доме нужно кое-что подремонтировать.

– С этим трудно не согласиться, – кивнул Ларри.

– Мой партнер намеревается заняться этим лично. Но ему нужен помощник. Время от времени я буду обращаться с просьбой найти рабочих, которые доставят в дом или магазин определенные грузы. И вы никому не станете об этом рассказывать. Это понятно?

– Да, понятно. Но вы сами ведь не из этих краев, не так ли?

– А это имеет какое-то значение? – удивленно приподнял брови Стрейкер.

– Конечно! Здесь не Бостон и не Нью-Йорк. Я, конечно, буду держать рот на замке, но люди все равно начнут болтать. Чего стоит одна старая сплетница по имени Мейбл Уэртс, что живет на Рейлроуд-стрит. Она сутками напролет не выпускает из рук бинокля...

– Меня не беспокоят горожане. Не беспокоят они и моего партнера. Обыватели, как крикливые сороки на телефонных проводах, всегда перебивают косточки приезжим. Но скоро они привыкнут и потеряют интерес.

– Дело ваше, – пожал плечами Ларри.

– Вот именно, – согласился Стрейкер. – Вы будете сами оплачивать услуги, но сохраните чеки и квитанции, а мы компенсируем все затраты. Согласны?

Будучи по натуре человеком осторожным, Ларри имел репутацию одного из лучших игроков в покер в округе Камберленд. И хотя внешне он оставался спокойным, внутри у него все трепетало. Еще бы – этот псих предлагал ему сделку, которая бывает только раз в жизни, если вообще бывает! Наверное, его босс – сумасшедший миллиардер-затворник, который...

– Мистер Крокетт? Я жду ответа.

– У меня тоже есть два условия, – сказал Ларри.

– Вот как? – На лице Стрейкера отразился вежливый интерес.

– Во-первых, я хотел бы проверить эти бумаги. – Ларри постучал по голубой папке.

– Разумеется.

– Во-вторых, если вы затеваете здесь что-то незаконное, я не желаю об этом ничего знать. Под этим я подразумеваю...

Но он не договорил. Стрейкер откинул голову назад и разразился сухим безжизненным смехом.

– Я сказал что-то забавное? – поинтересовался Ларри без тени улыбки.

– О... а... нет, разумеется, мистер Крокетт. Прошу извинить меня за несдержанность. Ваши слова позабавили меня по причинам, не связанным с вами. Так что вы хотели сказать?

– Ваши ремонтные работы. Я не собираюсь участвовать в поставках, которые могут выйти мне боком. Если вы хотите гнать здесь спиртное, изготавливать ЛСД или взрывчатку для какой-нибудь радикальной группировки хиппи, то я в этом не участвую.

– Согласен, – заверил Стрейкер. Его лицо снова стало серьезным. – Так мы договорились?

– Если бумаги окажутся в порядке, полагаю, что да, – согласился Ларри, продолжая испытывать непонятное сомнение. – Хотя со стороны это выглядит слишком уж для меня выгодным.

– Сегодня понедельник, – сказал Стрейкер. – Договоримся о встрече в четверг после обеда?

– Лучше в пятницу.

– Хорошо, пусть будет пятница! – Он поднялся. – До свидания, мистер Крокетт.

С бумагами все оказалось в порядке. Бостонский адвокат Ларри подтвердил, что участок под строительство торгового центра был приобретен на имя подставной компании «Континентал лэнд энд риелти», имевшей офис в Кэмикал-бэнк-билдинг в Нью-Йорке. В самом офисе оказались только покрытые пылью картотечные шкафы.

Стрейкер вернулся в пятницу, и Ларри подписал все необходимые бумаги. Его не оставляло чувство, что он совершает большую ошибку, впервые нарушая правило, которое неукоснительно соблюдал всю жизнь, а именно: не гадить там, где живешь. Глядя, как Стрейкер убирает в портфель бумаги на собственность Марстен-Хауса и прачечной, он осознал, что, несмотря на щедрое вознаграждение, оказался обычной пешкой в руках нового владельца и его отсутствующего партнера мистера Барлоу.

За августом наступила осень, а затем пришла зима, и постепенно Ларри успокоился. К весне он уже почти не вспоминал о сделке, за которую получил бумаги, хранившиеся теперь в депозитной ячейке портлендского банка.

И тут стали происходить необычные события.

Полторы недели назад к нему заявился писатель по фамилии Миерс и поинтересовался, можно ли снять Марстен-Хаус в аренду, а узнав, что дом продан, как-то странно посмотрел на Ларри.

Вчера почтальон принес ему тубус и письмо от Стрейкера. Точнее, не письмо, а короткую записку: «Пожалуйста, повесьте объявление, которое находится в тубусе, в окне магазина. Р. Т. Стрейкер». Само объявление оказалось плакатом, причем довольно скромным: «Открытие через неделю. «Барлоу и Стрейкер». Стильная мебель. Антиквариат. Заходите посмотреть». Ларри тут же поручил Ройалу Сноу повесить его в витрине.

И вот теперь он смотрел на Марстен-Хаус, и вдруг кто-то взял его за локоть:

– Уснул на ходу, Ларри?

Вздрогнув от неожиданности, тот обернулся и увидел Паркинса Гиллеспы, закуривающего сигарету.

– Нет, – ответил Ларри и нервно засмеялся. – Просто задумался.

Паркинс взглянул на Марстен-Хаус, рядом с которым сверкал на солнце хромом дорогой автомобиль, и потом посмотрел на старую прачечную с новым объявлением в окне.

– Ты же встречался с ними, верно?

– Только с одним. В прошлом году.

– С мистером Барлоу или мистером Стрейкером?

– Стрейкером.
– И как он тебе?
– Трудно сказать, – ответил Ларри, чувствуя, как вдруг пересохла губы. – Мы говорили только о делах. Но с виду вполне приличный.
– Хорошо. Это хорошо. Пойдем, я провожу тебя до кафе.
Когда они переходили улицу, Лоренсу Крокетту почему-то пришла мысль о сделке с дьяволом.

12

Час дня.
Сьюзен Нортон вошла в салон красоты и, улыбнувшись Бэбс Гриффен – старшей сестре Хэла и Джека, – сказала:
– Я так рада, что у тебя нашлось время без предварительной записи.
– В середине недели клиентов не много, – отозвалась та, включая вентилятор. – Как же душно! Похоже, что будет гроза.
Сьюзен взглянула на безоблачно синее небо.
– Думаешь?
– Думаю. И как будем укладывать?
– Поестественней, – ответила Сьюзен, думая о Бене Миерсе. – Как будто я сюда и не заходила.
– Все об этом просят, – со вздохом призналась Бэбс.
С ее дыханием донесся запах фруктовой жвачки. Бэбс поинтересовалась, видела ли Сьюзен объявление об открытии нового мебельного магазина в здании старой прачечной. Судя по всему, довольно дорогой. И хорошо бы там нашелся фонарь в пару к тому, что у нее уже есть! И как здорово, что она уехала от родителей и теперь живет в городе! И правда лето было хорошим. Как жалко, что оно кончается!

13

Три часа дня.
Бонни Соьер лежала на огромной двуспальной кровати. Ее дом на Дип-Кат-роуд был не какой-то развалюхой на колесах, а настоящим солидным строением с фундаментом и подвалом. Муж Редж зарабатывал механиком хорошие деньги в автомастерской Джима Смита в Бакстоне.
На Бонни были только прозрачные голубые трусики, и она нетерпеливо посмотрела на часы на тумбочке – 15:02. Куда он запропастился? Как будто отвечая на этот немой вопрос, дверь едва заметно приоткрылась, и в щель боязливо заглянул Кори Брайант.
– Все в порядке? – шепотом спросил он. Кори исполнилось всего двадцать два года, и последние два он работал в телефонной компании. Его первый роман с замужней женщиной – особенно такой потрясающей, как обладательница титула «Мисс округ Камберленд 1973», – вселял в него нервный трепет и вожделение.
– Ну конечно, милый, – улыбнулась Бонни, показав безупречные зубки. – Иначе в тебе бы уже прострелили дырку, сквозь которую можно смотреть телевизор.
Он вошел на цыпочках, смешно позвякивая инструментами на монтерском поясе.
Бонни хихикнула и открыла объятия:
– Кори, ты просто прелесть! И ужасно мне нравишься!

Кори уставился на темное пятно, просвечивающее под голубым нейлоном трусиков, и желание захлестнуло его. Он бросился к Бонни, и их соитие сопровождалось громким стрекотом цикад в лесу.

14

Четыре часа пополудни.

Закончив на сегодня работу, Бен Миерс отодвинулся от стола. Он не стал делать традиционного перерыва на прогулку в парке, чтобы успеть выполнить свою дневную норму и отправиться к Нортонам на ужин с чистой совестью.

Взмокший от пота Бен поднялся и потянулся, прислушиваясь к хрусту косточек в спине. Он достал из шкафа у изголовья кровати свежее полотенце и отправился вниз принять душ, пока другие постояльцы не вернулись домой и там не выстроилась целая очередь.

Перебросив полотенце через плечо, он уже повернулся, чтобы уйти, но, поразмышляв, вернулся к окну, где краем глаза заметил что-то необычное. Причем необычное было не в городе, мирно дремавшем под лазурно-синим небом, которым так славится Новая Англия в последние погожие дни уходящего лета.

Ему были видны двухэтажные домики с плоскими темными крышами на Джойнтер-авеню, парк, в котором вернувшиеся из школы детишки играли, ссорились и катались на велосипедах, и северо-западная часть города, где Брок-стрит исчезала за отрогом холма, покрытого лесом. Его взгляд невольно остановился на прогалине, где Бернс-роуд упиралась в Брукс-роуд и поднималась к Марстен-Хаусу, возвышавшемуся над городом.

Отсюда дом казался игрушечным, и Бену это нравилось. Такой дом не представлял угрозы – его можно было просто взять в руку и раздавить ладонью.

На дорожке перед Марстен-Хаусом стояла машина.

Бен замер с полотенцем через плечо, чувствуя, как его охватывает необъяснимый ужас, и даже не пытаясь понять его природу. На двух окнах отвалившиеся ставни были заменены новыми, отчего дом стал выглядеть слепым и таинственным.

Губы Бена беззвучно шевелились, словно произнося какие-то неведомые ему самому слова.

15

Пять часов пополудни.

Мэтью Берк с портфелем в левой руке вышел из здания средней школы и направился на парковку, где стоял его старенький «шевроле», так и ездивший на зимней резине.

Хотя шестидесятитрехлетнему Мэтью оставалось всего два года до обязательного выхода на пенсию, он по-прежнему имел полную нагрузку аудиторных занятий по английскому и активно занимался внеклассной работой. Осенью эта работа заключалась в постановке школьного спектакля, и сейчас он как раз закончил чтение водевиля в трех актах под названием «Проблема Чарли» и определился с составом. Ему с трудом удалось отобрать с десятков учеников, которые способны хотя бы выучить роль (и произнести свои реплики – пусть и дрожащим голосом и с деревянным видом), да трех парнишек, не лишенных искры Божьей. В пятницу он окончательно решит с составом, а затем начнутся репетиции. Постановка должна быть готова к 30 октября. Мэтью полагал, что школьному спектаклю вполне достаточно походить на консервированный суп компании «Кэмпбелл» – безвкусный, но и не особенно противный. На спектакль придут родители, и они будут точно в восторге. Театральный критик из камберлендской газеты «Леджер» разразится хвалебной статьей, что исправно делал в отношении всех местных постановок, за что ему, собственно, и платили. Главная героиня (в этом году ее роль,

наверное, исполнит Рути Крокетт) обязательно влюбится в какого-нибудь члена труппы и скорее всего потеряет невинность после торжественной вечеринки по поводу удачно прошедшего спектакля. А затем Мэтью возобновит работу «Дискуссионного клуба».

В шестьдесят три года Мэтью по-прежнему нравилось преподавать. Недостаток строгости не позволял ему продвинуться по служебной лестнице (для заместителя директора он обладал слишком мечтательным взглядом), но самому ему никогда не мешал. Он декламировал сонеты Шекспира в классах, в которых летали бумажные самолетики и плевались шариками жеваной бумаги. Не обращал внимания, что ему на стул подкладывали кнопки, и рассеянно смахивал их рукой, предлагая ученикам открыть учебник на четыреста шестьдесят седьмой странице. Находил в ящике письменного стола, куда лез за сочинениями, сверчков, лягушек, а однажды даже черного полоза длиной целых семь футов.

Он бороздил просторы английского языка подобно одинокому и на удивление смиренному Старому Моряку⁶: на первом уроке – Стейнбек, на втором – Чосер, на третьем – главное предложение, на четвертом, после которого шел перерыв на обед, – функции герундия. Его пальцы были вечно желтыми, но не от никотина, а от мела, чьи следы выдавали не менее стойкую зависимость.

Он не пользовался у детей особой симпатией. Он не был похож на мистера Чипса – учителя из романа Джеймса Хилтона, – который прозябает в забытом Богом уголке Америки в ожидании, когда Росс Хантер обратит внимание на его таланты. Однако его уважали, и многие ученики на его примере осознали, что преданность делу, какой бы эксцентричной и жалкой ни казалась, может быть достойна уважения. Мэтью Берк любил свою работу.

Он сел в машину, слишком сильно выжал педаль газа, и мотор заглох. Подождав, он снова завел двигатель и, настроив радио на портлендскую станцию с рок-н-роллом, прибавил звук почти до максимума. Ему нравился рок-н-ролл. Выезжая со стоянки задом, он снова заглох, и пришлось заводить двигатель по новой.

Мэтью жил в маленьком домике на Тэггарт-Стрим-роуд, и к нему редко заглядывали гости. Он никогда не был женат, а из родственников имелся только брат, который жил в Техасе, работал на нефтяную компанию и никогда не писал. Но Мэтью привык к одиночеству и ничуть им не тяготился.

Притормозив на пересечении Джойнтер-авеню с Брок-роуд, он повернул в сторону дома. Тени стали длинными, а дневной свет окрасился в ровные золотистые тона, как на картинах французских импрессионистов. Слева показался Марстен-Хаус, и Мэтью невольно задержал на нем взгляд.

– Ставни! – громко произнес он, стараясь перекрыть радио. – Ставни снова на месте!

Взглянув в зеркало заднего вида, он заметил, что на дорожке возле дома стоял автомобиль. Мэтью преподавал в Салемс-Лоте с 1952 года, но никогда прежде не видел у входа машин.

– Неужели там кто-то поселился? – спросил он сам себя и продолжил путь.

16

Шесть часов вечера.

К удивлению отца Сьюзен Билла Нортон – первого члена городского правления Салемс-Лота, – Бен Миерс ему понравился. И даже очень.

Билл был крупным, крепко сложенным черноволосым мужчиной, который сумел не располнеть и после пятидесяти. В юности, не закончив последнего класса школы, он с благословения отца отправился служить на флот, а вернувшись, начал вставать на ноги, проявляя

⁶ Здесь имеется в виду «Поэма о старом моряке» Сэмюэла Кольриджа, которая считается отправной точкой развития английского романтизма.

недожиданное упорство и целеустремленность. В двадцать четыре года он все-таки решил сдать экзамены за школьный курс и получил аттестат. Билл не относился к тем заносчивым трудягам, что отличаются крайней нетерпимостью к интеллектуалам в силу того, что по объективным причинам или по собственной лени они сами не получили достойного образования. Однако Билл терпеть не мог хлюпиков, как он называл некоторых длинноволосых одноклассников с телячьим взглядом, которых Сьюзен иногда приглашала домой. Особенно его раздражало в них отсутствие основательности. Он не разделял симпатии жены к Флойду Тиббитсу, с которым Сьюзи встречалась после окончания школы, но и особого раздражения тот в нем не вызывал. У Флойда имелась приличная работа, и Билл считал его умеренно серьезным. К тому же он был местным. Впрочем, к местным можно было отнести и Бена Миерса.

– Только не доставай его насчет легкомыслия, – попросила Сьюзен, услышав звонок и поднимаясь открыть дверь. На ней было легкое зеленое платье, а волосы собраны сзади и схвачены широкой лентой.

– Можешь на меня положиться, Сьюзи, – засмеялся Билл. – Когда это я тебя подводил? Смерив его недоверчивым взглядом, она нервно улыбнулась и направилась к двери.

Парень оказался худощавым и подвижным, с приятным лицом и копной густых черных волос, явно недавно вымытых. Одежда Биллу тоже понравилась: новые джинсы и белая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

– Бен, это мои родители – Билл и Энн Нортон. Мама, папа, это Билл Миерс.

– Здравствуйте! Рад познакомиться.

Он сдержанно улыбнулся миссис Нортон, и та ответила:

– Здравствуйте, мистер Миерс. Мы впервые видим живого автора воочию. Для Сьюзен это настоящее событие!

Он снова улыбнулся.

– Все в порядке. Я вовсе не маститый классик и себя не цитирую.

– Здравствуйте, – произнес Билл и поднялся из кресла. Своим трудом он пробился в профсоюзные лидеры в портлендских доках, и его рукопожатие было крепким и сильным. Рука у Миерса оказалась твердой и вовсе не рыхлой, как бывает у домашних хлюпиков, и Биллу это понравилось. Тогда он перешел к следующему испытанию. – Хотите пива? У меня там есть охлажденное, – махнул он в сторону задней веранды, которую пристроил собственными руками. Хлюпики неизменно отказывались – большинство из них курили травку и не могли позволить себе испортить кайф.

– С удовольствием, – отозвался Бен с улыбкой. – Надеюсь, у вас его хватит.

Билл расхохотался.

– Наш человек! Пошли.

При звуке этого смеха с женщинами, так похожими друг на друга, произошла странная метаморфоза, как будто беспокойство одной из них телепатически перешло к другой: Энн Нортон нахмурилась, а лоб Сьюзен, наоборот, разгладился.

Билл провел Бена на веранду. На табуретке стоял ящик со льдом, в котором лежали банки с пивом. Вытащив одну, Билл бросил ее Бену, и тот ловко ее поймал, стараясь не взбалтывать.

– Хорошо у вас тут, – сказал Бен, разглядывая жаровню на заднем дворе. Она была сложена из кирпичей, и над ней струился раскаленный воздух.

– Я тут все делал своими руками, так что по-другому и быть не может, – пояснил Билл.

Бен не отрываясь сделал несколько больших глотков, после чего рыгнул. Еще один балл в его пользу.

– Вы понравились Сьюзи, – сказал Нортон.

– Она очень хорошая девушка.

– К тому же практичная, – добавил Нортон, тоже рыгнув. – Она говорит, что вы написали три книги. И их издали.

– Это правда.

– Хорошо продаются?

– Первая – хорошо, – ответил Бен, не вдаваясь в подробности. Билл Нортон понимающе кивнул: у парня хватало мозгов не распространяться по поводу своих доходов.

– Поможете пожарить сосиски для хот-догов?

– С удовольствием.

– Их нужно слегка надрезать, чтобы не лопнули. Знаете об этом?

– Знаю, – ответил Бен и с улыбкой проделал указательным пальцем диагональный надрез в воздухе. Подобные надрезы на натуральной оболочке сосисок не позволяли надуваться пузырям.

– Вы точно из наших краев! – одобрительно заметил Билл. – Берите вон ту упаковку, а я принесу мясо. И не забудьте ваше пиво.

– Ни за что на свете!

Задержавшись на пороге у двери, Билл вопросительно посмотрел на Бена.

– А вы основательный человек? – поинтересовался он.

– Не то слово! – заверил Бен без улыбки и даже немного угрюмо.

– Отлично! – кивнул Билл и вошел в дом.

Опасения Бэбс Гриффен насчет грозы не оправдались, и ужин на заднем дворе прошел замечательно. Легкий ветерок вкупе с дымком от углей отгонял комаров. Женщины убрали бумажные тарелки и специи и, устроившись с пивом, вдоволь посмеялись над Беном, которого Билл, ловко используя порывы ветра, разгромил в бадминтон со счетом 21:6. Бен с искренним сожалением отказался от реванша, показав на часы.

– Я работаю над книгой, – пояснил он, – и сегодня мне надо написать еще шесть страниц. А если напьюсь, завтра утром не сумею прочитать даже то, что напишу.

Сьюзен проводила его до калитки – домой он отправился пешком.

Билл, заливая водой угли в мангале, кивал своим мыслям. Этот парень сказал, что он основательный, и Билл склонен был ему верить. Бен не задирает носа, и к тому же человек привык работать даже после ужина, наверняка сумеет пробиться в жизни.

Однако Энн Нортон симпатией к Бену так и не прониклась.

17

Семь часов вечера.

Флойд Тиббитс завернул на покрытую гравием парковку возле кафе через десять минут после того, как его владелец и по совместительству бармен Делберт Марки зажег новую неоновую вывеску своего заведения со светящимися розовыми буквами «У Делла» высотой не меньше трех футов.

Солнце скрылось, в сгущавшихся сумерках на небе алел закат, и скоро в низинах заклубится туман. Через час-другой в кафе потянутся завсегдатаи.

– Привет, Флойд, – сказал Делл, доставая из холодильника бутылку пива. – Как жизнь?

– Более-менее, – ответил тот. – А вот пиво – это то, что нужно!

Высокий, с аккуратно подстриженной светлой бородкой, Флойд был одет в брюки и пиджак, как и надлежало заместителю начальника кредитного отдела банка, в котором он трудился. Работа ему в общем-то нравилась, хотя и начинала потихоньку приедаться. Он чувствовал, что плывет по течению, но вовсе этим не тяготился. И еще была Сьюзи – замечательная девушка, и скоро ему наверняка придется распрощаться с холостяцкой жизнью.

Флойд положил на стойку доллар и, аккуратно наполнив бокал пивом по краю, чтобы не пенилось, жадно выпил и налил еще. Кроме него, в баре находился только молодой Брайант,

одетый в спецовку телефонной компании. Он тоже пил пиво и слушал романтическую песню о любви из музыкального автомата.

– Что новенького в городе? – поинтересовался Флойд, заранее зная ответ. Наверняка все по-старому, разве что какой-нибудь старшеклассник явился в школу подшофе. Другим новостям было взяться неоткуда.

– Кто-то убил собаку твоего дяди. Вот такая новость.

– Дока дяди Вина?

– Его самого.

– Сбил на машине?

– Да нет, непохоже. Пса нашел Майк Райерсон. Он приехал на Хармони-Хилл косить траву и увидел, что на прутьях ограды висит Док. С распоротым от уха до уха горлом.

– Да ты что?! – поразился Флойд.

Делл, довольный произведенным впечатлением, кивнул с серьезным видом. Он знал, что в городе обсуждают еще одну новость: девушку Флойда видели с приезжим писателем, который остановился в пансионе Евы. Но пусть Флойд узнает об этом от кого-нибудь другого.

– Райерсон отвез тело Паркинсу Гиллеспи, – сообщил он Флойду. – Тот считает, что ужедохлую собаку подростки подвесили на ограду смеха ради.

– Да у Гиллеспи мозгов никогда не было!

– Может, и так, но мое мнение такое. – Делл подался вперед и облокотился о стойку. – Я согласен, что это подростки... черт, я даже уверен в этом! Но это не просто шутка. Посмотри сам! – Он вытащил из-под стойки газету и, развернув, показал на статью.

Флойд взял газету и пробежал глазами статью, озаглавленную «Сатанисты оскверняют церковь». Какие-то подростки вломились после полуночи в католическую церковь в Клевистоне, штат Флорида, и совершили там некий кощунственный обряд. Алтарь был осквернен, на скамьях, в исповедальнях и купелях вырезаны ругательства, проходы закапаны кровью. Анализ подтвердил, что кровь в основном была человеческой, хотя часть ее принадлежала какому-то животному (скорее всего козлу). Шеф полиции Клевистона признал, что они не располагают никакими зацепками, которые могли бы пролить свет на столь необычное дело.

Флойд отложил газету.

– Сатанисты в Салемс-Лоте? Брось, Делл! Ты, должно быть, перегрелся на солнце.

– Эта молодежь совсем потеряла голову! – не сдавался Делл. – Посмотрим, кто окажется прав! Вот увидишь – в следующий раз дело дойдет до человеческого жертвоприношения на гриффенском пастбище. Налить еще?

– Нет, спасибо, – отказался Флойд, слезая с табурета. – Пойду проведу дядю Вина. Он любил этого пса.

– Передавай ему привет, – попросил Делл, складывая газету и убирая под стойку, чтобы показать потом другим завсегдатаям. – Мне очень жаль, что так вышло.

На пути к выходу Флойд приостановился и произнес, ни к кому не обращаясь:

– Говоришь, подвесили на прутьях? Видит Бог, хотел бы я добраться до тех, кто это сделал!

– Сатанисты! – снова повторил Делл. – Точно! Даже представить трудно, что творится с людьми в наши дни!

Флойд ушел, а Брайант опустил в музыкальный автомат еще одну монету, и Дик Керлесс затянул свой незабвенный хит «Похорони меня с бутылкой».

– Возвращайтесь домой пораньше, – наказала Марджори Глик своему старшему сыну Дэнни. – Завтра вставать в школу. В четверть десятого твой брат должен быть в постели.

Дэнни нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Я вообще не понимаю, зачем он идет со мной.

– И не надо, – согласилась Марджори, проявляя показную стоворчивость. – Ты всегда можешь остаться дома.

Она повернулась к столу, на котором разделывала рыбу, и Ральфи показал брату язык. Дэнни погрозил ему кулаком, но тот только противно улыбнулся.

– Мы вернемся, – нехотя пообещал Дэнни и направился к выходу. Ральфи последовал за ним.

– Не позже девяти.

– Ладно, ладно.

В гостиной Тони Глик сидел перед телевизором, положив ноги на журнальный столик и наблюдая за игрой «Бостон ред сокс» с «Нью-Йорк янкиз».

– Далеко собрались, парни?

– К новенькому, – пояснил Дэнни. – К Марку Питри.

– Ага, – подтвердил Ральфи. – У него есть игрушечная железная дорога.

Дэнни смерил брата уничтожающим взглядом, но отец, занятый бейсболом, не заметил.

– Только не задерживайтесь допоздна, – рассеянно наказал он.

На улице было еще светло, хотя солнце уже село.

– Вздуть бы тебя хорошенько! – процедил Дэнни брату.

– А я тогда расскажу, – пригрозил тот, – зачем ты на самом деле туда идешь.

– Ну и гад же ты! – беспомощно отозвался Дэнни.

По вытоптанной через луг тропинке они направились к лесу. Дом Гликов располагался на Брок-стрит, а Марка Питри – на Саут-Джойнтер-авеню. Для мальчишек девяти и двенадцати лет сэкономить время, отправившись короткой дорогой, где надо перебраться через ручей Крокетт-Брук по камням, – сплошное удовольствие. Под ногами хрустели сосновые иголки и сухие ветки. Где-то в лесу раздавался жалобный плач козодоя, а вокруг громко стрекотали цикады.

Дэнни по глупости проболтался брату, что у Марка Питри есть настоящая коллекция игрушечных монстров, в которой имелись и оборотень, и мумия, и Дракула с Франкенштейном, и Безумный Доктор, и даже персонажи из комнаты ужасов Музея мадам Тюссо. Матери такие игрушки не нравились, и она считала их даже вредными, чем немедленно воспользовался Ральфи для шантажа. Погань – она и есть погань!

– Ты знаешь, что ты погань? – поинтересовался Дэнни.

– Знаю, – гордо отвечивал Ральфи. – А это что?

– Это такая зеленая и липкая дрянь вроде соплей.

– От такого слышу! – отозвался Ральфи.

Они пробирались вдоль лениво журчавшего ручья, чья поверхность в стущавшихся сумерках отливала перламутром. Через две мили ручей впадал в Тэггарт-Стрим, а тот, в свою очередь, – в реку Ройал.

Дэнни, внимательно глядя, куда ступает, начал осторожно перебираться по камням на другой берег.

– Приготовься, Дэнни! – восторженно закричал сзади брат. – Я тебя сейчас столкну!

– Только попробуй, и я тебя закопаю в зыбучий песок, гнида! – предупредил Дэнни.

Они перебрались на другой берег.

– Здесь нет никакого зыбучего песка! – фыркнул Ральфи, на всякий случай подобрившись к брату поближе.

– Думаешь? – угрожающе переспросил тот. – Тут несколько лет назад погиб один парень. Я слышал, как в магазине об этом говорили взрослые.

– Правда? – Глаза у Ральфи расширились.

– Точно! – подтвердил Дэнни. – Он вопил что есть мочи, а потом в рот набился песок, он захрипел и ушел с головой.

– Пошли дальше, – боязливо попросил Ральфи. Уже почти стемнело, и в лесу зашевелились тени. – Пошли отсюда!

Они двинулись по другому берегу, то и дело поскальзываясь на сосновых иголках. Мальчиком, разговор о котором Дэнни подслушал в магазине, был Джерри Кингфилд десяти лет. Наверное, его затащили зыбучие пески, и если он и кричал перед смертью, то никто этого не слышал. Шесть лет назад он просто ушел на рыбалку и пропал в болотах. Кое-кто считал, что он погиб в зыбучих песках, но были и такие, кто не сомневался, что тут не обошлось без извращенцев: их теперь развелось немерено.

– Говорят, что его призрак до сих пор бродит по лесу, – торжественно произнес Дэнни, не считая нужным сообщать брату, что болота находились в трех милях отсюда.

– Не надо, Дэнни... – жалобно попросил Ральфи. – Не надо... в темноте.

Вокруг таинственно поскрипывали деревья. Жалобный плач козодоя стих. Где-то сзади едва слышно хрустнула ветка. Небо потемнело.

– И время от времени, – зловещим голосом продолжал Дэнни, – когда в лесу оказывается какой-нибудь маленький мальчик, призрак подкрадывается к нему из-за деревьев, а лицо все в песке и покрыто гнилыми язвами...

– Дэнни, пожалуйста!

В голосе Ральфи звучала такая мольба, что Дэнни замолчал. Своим рассказом он напугал даже себя. Их обступали темные деревья, и казалось, что они терлись друг о друга, скрипя стволами и расправляя затекшие от неподвижности ветки, которые начал раскачивать поднявшийся ветер.

Слева снова хрустнула ветка.

Дэнни вдруг пожалел, что они пошли не по дороге, а напрямик.

Новый хруст ветки.

– Дэнни, мне страшно, – прошептал Ральфи.

– Не глупи! Пошли, – ответил брат.

Они продолжили путь. Под ногами скрипели сосновые иголки. Дэнни мысленно уверял себя, что никакого хруста не слышал – ему просто померещилось. В висках гулко стучала кровь. По коже бежали мурашки. Дэнни стал считать шаги. До Джойнтер-авеню всего двести шагов. А домой они вернутся по улице, и этому хлюпику уже не будет страшно. Через пару минут они увидят уличные фонари и наверняка почувствуют себя дураками. Ну и пусть, зато точно обрадуются! Поэтому надо считать шаги. Один... два... три...

Тишину леса разорвал истошный вопль Ральфи.

– Это он! Призрак! Я его вижу!

Ужас сдавил Дэнни грудь и разбежался по телу острыми иголками. Он бы точно повернулся и бросился со всех ног прочь, но в него мертвой хваткой вцепился Ральфи.

– Где? – шепотом спросил Дэнни, моментально позабыв, что призрак он выдумал сам. – Где он?

Дэнни испуганно вглядывался в лес, боясь, что действительно увидит нечто жуткое, но кругом царила мгла.

– Он исчез... но я его видел! Глаза! Я видел глаза! Господи, Дэнни... – судорожно всхлипывал Ральфи.

– Призраков не бывает, дурень. Пошли!

Дэнни взял брата за руку, и они тронулись в путь. Ноги стали ватными, а колени дрожали. Ральфи так сильно к нему жался, что невольно спихивал с тропинки.

– Он следит за нами, – прошептал Ральфи.

– Послушай, я не собираюсь...

– Нет, Дэнни, правда! Неужели ты не *чувствуешь*?

Дэнни остановился. Каким-то особым чувством, присущим только детям, он действительно ощущал чье-то присутствие. Будто лес накрыли огромным колпаком и в нем установилась зловещая тишина. Ветер шевелил ветки, оживляя темные тени, тянувшиеся к мальчикам все ближе и ближе.

Воздух пронизывала какая-то свирепая жестокость, ощущавшаяся нутром.

Никаких призраков не было, но зато были извращенцы. Они приезжали на черных машинах, угощали конфетами, или слонялись по улицам, или... выслеживали в лесу... А потом... А потом...

– Беги! – хрипло скомандовал он Ральфи.

Но младший брат, дрожа от страха, застыл на месте и только сильнее вцепился в руку. Затем Ральфи перевел взгляд на темнеющие деревья, и его глаза расширились от ужаса.

– Дэнни?!

Хрустнула ветка.

Дэнни обернулся посмотреть, что испугало брата.

Их накрыла мгла.

19

Девять часов вечера.

Мейбл Уэртс, которой исполнилось семьдесят четыре года, отличалась необъятными размерами и в последнее время часто жаловалась на ноги. Помня все супружеские измены, похищения, кражи и умопомешательства за период в пятьдесят с лишним лет, она была ходячей историей города и хранительницей всех городских сплетен. Мейбл любила посудачить, но делала это без всякого злого умысла, хотя так считали далеко не все из тех, кому она перемывала за спиной косточки. Она просто жила жизнью города и являлась в определенном смысле его квинтэссенцией. Эта тучная вдова в бесформенной шелковой блузке и уложенными в пучок желтоватыми волосами сейчас редко выходила из дома и проводила большую часть времени у окна, вооружившись телефонной трубкой и мощным японским биноклем. Эти предметы и возможность использовать их в любое время без каких бы то ни было ограничений делали ее похожей на доброжелательного паука, сидящего в самом центре информационной паутины, окутывавшей город.

За отсутствием более привлекательного для наблюдения объекта она разглядывала Марстен-Хаус, как вдруг ставни слева от крыльца открылись и окно засветилось неровным желтым светом, явно не электрическим. В окне мелькнула голова мужчины. Мейбл вдруг стало не по себе.

Никакого движения в доме больше не наблюдалось, и вдова задумалась, что за странные люди там поселились, если открывают ставни только вечером и не дают себя разглядеть?

Отложив бинокль, она осторожно сняла с телефона трубку. Линия оказалась занятой: разговаривали две женщины, которых она сразу опознала как Гэрриетт Дэрхэм и Глинис Мэйберри. Те обсуждали обнаружение Райерсоном убитой собаки Ирвина Пьюринтона.

Затаив дыхание, чтобы не выдать своего присутствия, Мейбл жадно ловила каждое слово.

20

Без минуты полночь.

Истекали последние мгновения суток. Дома погрузились в темноту. Только в центре города дежурные ночные лампочки магазина скобяных товаров, похоронного бюро Формана и кафе «Экселлент» отбрасывали на тротуар слабый мягкий свет.

Кое-кто еще не спал. Так, Джордж Бойер работал с трех до одиннадцати и только что вернулся домой, а Вин Пьюринтон рассеянно раскладывал пасьянс, не в силах прийти в себя от потери Дока. Гибель любимого пса оказалась для него большим потрясением, чем смерть жены. Но большинство жителей уже погрузились в сон, каким спят праведники и труженики.

На кладбище Хармони-Хилл темная фигура в воротах, терпеливо дожидавшаяся полуночи, заговорила мягким и тихим голосом:

– О, отец мой, осени меня своей благодатью. Мух, даруй мне свою милость. Я принес тебе протухшее мясо и зловонную плоть. Я совершил это жертвоприношение во славу твою. Я подношу этот дар левой рукой. Дай же мне знак на этой земле, освященной твоим именем. Я жду только знака, чтобы начать свой труд ради твоего блага.

Голос замер. Налетевший порыв ветра отозвался шелестом листьев и травы и донес запах гниения со свалки выше по дороге.

Тишину нарушал только шорох ветра. Человек молча прислушался, потом наклонился и выпрямился с телом ребенка в руках.

– Я принес тебе это.

Слова были уже не нужны.

Глава четвертая

Дэнни Глик и другие

1

Дэнни и Ральфи отправились в гости к Марку Питри со строгим наказом вернуться не позже девяти. Когда в десять минут десятого их не оказалось дома, Марджори Глик позвонила родителям Марка. Миссис Питри сообщила, что ребят у них нет и они не приходили, а потом передала трубку своему мужу Генри. Миссис Глик, чувствуя, как внутри все холодеет от страха, последовала ее примеру и тоже позвала к телефону мужа.

Мужчины все обсудили. Да, мальчики пошли по тропинке. Нет, ручей в это время года очень мелкий, особенно в такую хорошую погоду. Глубиной по щиколотку. Генри предложил вооружиться фонарями помощнее и пойти друг другу навстречу. Не исключено, что мальчишки наткнулись на нору с сурком, или решили тайком покурить, или еще что-нибудь в этом роде. Тони согласился и поблагодарил мистера Питри за понимание и готовность помочь. Мистер Питри ответил, что тут и говорить не о чем. Тони повесил трубку и немного успокоил перепуганную жену. Он решил, что, когда найдет мальчишек, сделает так, что они не смогут сидеть целую неделю.

Но не успел Тони отправиться в путь, как из-за деревьев, шатаясь, показался Дэнни и, доковыляв до заднего двора, рухнул на землю. Он был не в себе, отвечал, едва ворочая языком и не всегда понятно. К рукам прилипли травинки, а в волосах застряло несколько сухих осенних листьев.

Дэнни рассказал отцу, что они с Ральфи пошли по тропинке через лес, перебрались по камням через ручей и оказались на другом берегу. Потом Ральфи начал говорить о призраке в лесу (Дэнни не стал уточнять, что первым разговор о призраке завел он сам). Ральфи сказал, что увидел чье-то лицо. Дэнни тоже испугался. Он не верил в привидения и прочую чепуху вроде буки, который крадет детей, но ему показалось, что в темноте кто-то был.

И что они тогда сделали?

Дэнни ответил, что, по его мнению, они пошли дальше, взявшись за руки, но не был уверен. Ральфи все хныкал про призрак. Дэнни его успокаивал, объясняя, что скоро уже покажутся фонари на Джойнтер-авеню. Им оставалось всего двести шагов, может, даже меньше. А потом случилось что-то ужасное.

Что? Что именно?

Этого Дэнни не знал.

Они всячески пытались его разговорить и вытянуть что-то конкретное, но он только непонимающе мотал головой. Да, он соглашался, что должен помнить, но не помнил. Честно! Он не помнил, как упал... Просто вдруг все стало темно. Очень темно. А когда очнулся, то увидел, что лежит на тропинке. А Ральфи исчез.

Паркинс Гиллесли решил, что поднимать ночью людей, чтобы искать в буреломе, не имеет смысла. Мальчик мог просто сбиться с тропинки и заблудиться. Гиллесли, Нолли Гарденер, Тони Глик и Генри Питри, вооружившись мегафонами, сами прошли по тропинке от одного дома до другого и обратно, но Ральфи так и не нашли.

С утра камберлендские полицейские вместе с полицией штата начали прочесывать лес и, никого не обнаружив, расширили зону поисков, которые продолжались по всей округе целых четыре дня. Родители Ральфи облазили все окрестные луга и лесные массивы, уделяя особое

внимание завалам, оставшимся после старого пожара, и тщетно звали сына, надеясь, что тот наконец откликнется.

Потом прочесали драгами дно Тэггарт-Стрим и реки Ройал. И снова безрезультатно.

На пятый день Марджори Глик разбудила мужа в четыре утра почти в истерике. Дэнни упал в обморок в коридоре наверху, видимо когда шел в туалет. На «скорой» его отвезли в Центральную городскую больницу с предварительным диагнозом «отсроченное глубокое эмоциональное потрясение».

Лечащий врач отвел мистера Глика в сторону.

– Ваш сын когда-нибудь страдал от приступов астмы?

Мистер Глик, беспомощно заморгав, покачал головой. За несколько дней он состарился лет на десять.

– А от ревматизма?

– Дэнни? Нет... никогда.

– А у него брали анализ на туберкулез в прошлом году?

– Туберкулез? У моего мальчика туберкулез?

– Мистер Глик, мы просто пытаемся выяснить...

– Мардж! Марджи, подойди к нам.

Бледная и кое-как причесанная Марджори Глик поднялась и медленно направилась к ним по коридору с видом женщины, у которой раскалывается голова от жесточайшего приступа мигрени.

– У Дэнни брали в этом учебном году пробу Манту?

– Да, – безучастно ответила она. – Когда начались занятия в школе. Все нормально.

– А ночами он не кашляет? – поинтересовался доктор.

– Нет.

– Он когда-нибудь жаловался на боли в груди или суставах?

– Нет.

– А на боли при мочеиспускании?

– Нет.

– Может, у него наблюдалось необычно обильное кровотечение? Скажем, из носа, или в стуле была кровь, или появлялось слишком много царапин и синяков?

– Нет.

Доктор улыбнулся и кивнул.

– Мы хотели бы немного его здесь подержать и провести обследование, если вы не против.

– Конечно, – согласился Тони. – Само собой. У меня есть страховка.

– У него очень замедленная реакция, – пояснил доктор. – Мы хотели бы сделать рентген, проверить костный мозг, кровяные тельца...

Глаза у миссис Глик медленно расширились от ужаса.

– У Дэнни лейкемия? – шепотом спросила она.

– Миссис Глик, сейчас еще рано...

Но она уже лишилась чувств и ничего не слышала.

2

Бен Миерс вместе с другими добровольцами из Салемс-Лота участвовал в прочесывании леса в поисках Ральфи Глика, и для него это закончилось перепачканными брюками и сенной лихорадкой, вызванной поздним цветением золотарника.

После третьего дня поисков он пришел на кухню Евы, чтобы перекусить консервами, а потом немного поспать и сесть за роман. К его удивлению, возле плиты сутилась Сьюзен Нортон, которая готовила мясную запеканку. Мужчины, вернувшиеся с работы, сидели за сто-

лом и делали вид, что беседуют, а на самом деле не спускали глаз с девушки, одетой в выцветшую клетчатую рубашку, завязанную на животе, и вельветовые шорты. В соседней каморке Ева Миллер гладила белье.

– Что ты тут делаешь? – удивился Бен.

– Готовлю тебе нормальную еду, пока ты не умер с голоду, – ответила она, и Ева за стеной громко фыркнула. Бен почувствовал, как у него запылали уши.

– А стряпать она умеет! – вмешался Проныра. – Не сомневайся. Я за ней наблюдал.

– Еще немного, и ты бы все глаза проглядел, – хохотнул Гровер Веррилл.

Накрыв кастрюлю крышкой, Сьюзен поставила ее в духовку, и они вышли на крыльцо подождать, пока блюдо приготовится. На западе алел диск заходящего солнца.

– Как поиски?

– Впустую. Никаких следов! – Бен достал из кармана смятую пачку сигарет и закурил.

– У тебя вид как у лесного бродяги, – сказала она.

– Еще бы! – Он протянул руку и показал следы укусов насекомых и свежие царапины. – Проклятые комары и чертовы колючки!

– Как думаешь, что с ним случилось, Бен?

– Бог его знает. – Он выпустил облако дыма. – Не исключено, что к старшему брату подкрались сзади, ударили чем-то тяжелым и похитили малыша.

– Ты думаешь – он мертв?

Бен посмотрел на нее, пытаясь понять, какой ответ она хотела услышать: честный или обнадеживающий.

– Да, – коротко ответил он. – Я думаю, что парнишку убили. Никаких доказательств нет, но я так считаю.

Сьюзен медленно покачала головой.

– Надеюсь, ты ошибаешься. Моя мама и еще несколько женщин ходили посидеть с миссис Глик. Она вне себя от волнения, да и муж себе места не находит. А второй сын бродит по дому как привидение.

– Хм, – отозвался Бен, устремив взгляд на Марстен-Хаус. Ставни сейчас были закрыты, но откроются, когда стемнеет. Не раньше. Их открывают только на ночь. От мысли, что бы это могло означать, у него по коже побежали мурашки.

– ...вечером?

– Что? Извини, я задумался. – Он повернулся к Сьюзен.

– Я сказала, что папа приглашает тебя к нам завтра вечером. Придешь?

– А ты там будешь?

– Конечно, буду! – подтвердила она, бросив на него взгляд.

– Тогда приду обязательно! – заверил Бен. Он хотел на нее полюбоваться – в вечернем свете Сьюзен выглядела просто потрясающе, – но Марстен-Хаус притягивал его взгляд как магнитом.

– Завораживает, верно? – спросила она, будто читая его мысли, и Бен поразился, как точно она выразилась.

– Да. По-другому и не скажешь.

– Бен, а о чем твоя новая книга?

– Пока еще рано говорить, – ответил он. – Все еще слишком сыро. Я скажу, когда будет ясность. Она должна... сформироваться.

Сьюзен хотела сказать: «Я люблю тебя» – и произнести эти слова так же легко и непринужденно, как возникла сама мысль, но в последний момент сдержалась. Она не хотела говорить, когда он смотрел... смотрел туда!

Она поднялась.

– Пойду проверю, как там запеканка.

Оставшись один, Бен продолжал курить, не сводя глаз с Марстен-Хауса.

3

Утром двадцать второго числа, когда Лоренс Крокетт сидел у себя в кабинете, делая вид, что разбирает почту, а на самом деле любуясь аппетитными формами секретарши, зазвонил телефон. В это время Крокетт размышлял о своем бизнесе в Салемс-Лоте, сверкающей машине возле дверей Марстен-Хауса и сделках с дьяволом.

Еще до того как сделка со Стрейкером была доведена до логического завершения (да, это подходящее выражение, подумал Ларри и с чувством оглядел грудь секретарши, обтянутую блузкой), Лоренс Крокетт, без сомнения, являлся самым богатым человеком в городе и одним из богатейших людей во всем округе Камберленд, хотя ни его офис, ни внешний облик этого не выдавали. Кабинет, неухоженный и пыльный, освещался двумя лампочками под желтыми, засиженными мухами плафонами. Стол представлял собой старое бюро с деревянной шторкой, заваленное бумагами, ручками и газетами. На одном краю стояла банка с клеем, а на другом – пресс-папье с фотографиями домочадцев. На стопке конторских книг – стеклянная пепельница с рекламными коробками спичек, украшенными надписью «Для наших друзей без спичек». Из мебели в офисе было только три несгораемых картотечных шкафа и стол секретарши в небольшой нише.

Но чего в кабинете имелось в избытке, так это фотографий!

Они были повсюду и занимали все свободные поверхности. Какие-то – новые моментальные снимки, сделанные «Полароидом»; другие – цветные кодаковские фотографии, снятые несколько лет назад. Были и выцветшие черно-белые снимки пятнадцатилетней давности. Под каждой фотографией имелась надпись, напечатанная на машинке. «Чудесный дом на природе! Шесть комнат». «Дом на вершине холма. Тэггарт-Стрим-роуд. Дешево: всего 32 000 долларов!» Или: «Отличный выбор для солидных людей. Десять комнат. Особняк на Бернс-роуд».

Офис производил впечатление сомнительной и ненадежной конторы, которой фирма Ларри Крокетта и была до 1957 года. Его самого тогда считали неудачником, который едва сводил концы с концами.

Но в 1957 году Ларри осенило, что на трейлерах можно отлично заработать. В те далекие годы люди воспринимали трейлеры как симпатичные серебристые контейнеры на колесах, которые цепляются к машине, когда семья выезжает на экскурсию в Йеллоустонский национальный парк, чтобы сделать фотографии жены и детей на фоне знаменитого гейзера «Верный старик». В те далекие годы вряд ли кто – включая самих производителей трейлеров – мог предположить, что симпатичные серебристые контейнеры скоро превратятся в дома-автоприцепы, которые можно возить на буксире пикапа, а потом и вовсе обзаведутся собственным двигателем и всем прочим, необходимым для жилья.

Ларри, однако, обладать даром предвидения вовсе не требовалось. Но ему хватило мозгов отправиться в муниципалитет (тогда он не был членом городского правления – его бы не избрали даже мусорщиком) и проштудировать муниципальные правила районирования. Они оказались на редкость благоприятными для его затеи и сулили тысячи долларов дохода. По закону нельзя было устраивать у себя на участке мусорную свалку или держать больше трех пришедших в негодность автомобилей без специального на то разрешения, равно как и оборудовать «уборную с химической стерилизацией фекалий» – как научно и не вполне корректно называлась обычная уборная во дворе, – без надлежащего согласия городского санитарного инспектора. Именно этим Ларри и воспользовался.

Заложив все, что было возможно, он по уши залез в долги, но наскреб денег на покупку трех трейлеров. Причем не каких-то скромных и маленьких, а огромных роскошных монстров с обшивкой под дерево и туалетом из пластика. Для каждого он приобрел участок размером

в один акр в районе, где земля была дешевой, водрузил эти трейлеры на примитивный фундамент и занялся продажей. Ему удалось все продать за три месяца, для чего потребовалось развеять сомнения потенциальных покупателей насчет удобства жизни в доме, похожем на пульмановский вагон. Его доход составил почти десять тысяч долларов. Волна перемен докатилась до Салемс-Лота, и Ларри Крокетт сумел этим воспользоваться.

В тот день, когда Р. Т. Стрейкер появился у него в офисе, Крокетт уже обладал состоянием почти в два миллиона долларов. Он сколотил его на спекуляциях земельными участками в многочисленных соседних городках (но не в Салемс-Лоте: Ларри незыблемо придерживался принципа «не гадить там, где живешь»), искренне веря, что индустрия домов на колесах будет расти как на дрожжах. Он не ошибся, и деньги к нему полились рекой.

В 1965 году Ларри Крокетт стал негласным компаньоном подрядчика по имени Ромео Поулин, который возводил торговый центр в Оберне. Поулин был ловкачом со стажем, и его опыт в подобных делах вкупе с умением Ларри манипулировать цифрами позволил каждому заработать по семьсот пятьдесят тысяч, причем формально налогообложению подлежала только треть этой суммы. Все прошло просто отлично, а если крыша супермаркета и протекала, то с этим ничего не поделаешь – жизнь есть жизнь.

В 1966–1968 годах Ларри выкупил контрольный пакет акций трех компаний по производству домов на колесах, причем с помощью хитроумных перепродаж и оформления сделок на подставные фирмы сумел уйти от налогов. Объясняя свой принцип действий Ромео Поулину, Ларри сравнил его с заездом в тоннель любви с девушкой А, сексом с девушкой Б в машине сзади и выездом из тоннеля рука об руку с девушкой А. В конце концов все свелось к тому, что Ларри покупал передвижные дома у самого себя, и этот кровосмесительный бизнес развивался настолько успешно, что ему самому становилось страшно.

Перебирая бумаги, Ларри подумал, что при сделках с дьяволом деньги льются рекой.

Люди, покупавшие трейлеры, были в основном представителями нижних слоев среднего класса – рабочими и мелкими служащими, которые не могли позволить себе заплатить первый взнос за обычный дом, – а также пенсионерами, пытавшимися свести концы с концами на пособия программ социального страхования. Для пожилых людей такие дома обладали еще одним важным преимуществом, которое подметил и активно использовал Ларри: будучи одноэтажными, они не имели лестниц, по которым надо было подниматься и спускаться.

С финансированием тоже проблем не было. Первый взнос составлял всего пятьсот долларов. А в недобрые шестидесятые годы разгула грабительских процентов по кредиту выплата остальных девяти с половиной тысяч долларов под двадцать четыре процента годовых редко кого останавливала.

Деньги лились рекой!

Сам Крокетт изменился очень мало – даже после заключения той знаменательной сделки с мистером Стрейкером. Он не стал приглашать никакого дизайнера-педика, чтобы привести свой офис в порядок. Он по-прежнему пользовался дешевым вентилятором, а не кондиционером, носил потертые брюки с кричащими пиджаками, курил дешевые сигары и по субботам заглядывал в заведение Делла пропустить пару кружек пива и перекинуться в картишки с приятелями. Он по-прежнему держал руку на пульсе всех сделок с городской недвижимостью, что приносило двойную пользу. Во-первых, его неизменно избирали членом городского правления, а во-вторых – это помогало уйти от налогов, поскольку формально он едва сводил концы с концами. Помимо Марстен-Хауса, он являлся агентом по продаже трех десятков других неказистых и ветхих домов. Конечно, случались и удачные сделки, но Ларри не очень-то их и добивался. Деньги и так продолжали литься рекой.

Денег было даже слишком много. Конечно, он понимал, что была опасность заиграться. Можно, конечно, въехать в тоннель любви с девушкой А, переспать с девушкой Б и выехать из тоннеля снова с девушкой А, но как бы потом они не нажились на него вдвоем и не пре-

вратили в отбивную. Стрейкер сказал, что свяжется с ним, и это было четырнадцать месяцев назад. А что, если...

Вот именно тогда и раздался телефонный звонок.

4

– Мистер Крокетт, – послышался в трубке знакомый холодный голос.

– Это вы, Стрейкер?

– Он самый.

– А я только что о вас подумал. Наверное, я медиум.

– Забавно это слышать, мистер Крокетт. Я хотел бы попросить вас об услуге.

– Я весь внимание.

– Мне нужно, чтобы вы достали грузовик. Большой. Возможно, взяли напрокат. Он должен быть в портлендских доках сегодня ровно в семь. На таможенном причале. Полагаю, двух грузчиков будет достаточно.

– Хорошо. – Ларри подвинул к себе блокнот и записал: «Х. Питерс. Р. Сноу. Арендовать грузовик. 6 – самое позднее». Он не сомневался, что указания Стрейкера должны быть выполнены в точности.

– Там надо забрать дюжину ящиков. Все, кроме одного, следует доставить в магазин. В отдельном ящике груз особо ценный – буфет восемнадцатого века знаменитого лондонского мастера-краснодеревщика Джорджа Хепплвайта. Ваши грузчики узнают ящик по размерам. Его надо доставить в Марстен-Хаус. Вы все поняли?

– Да.

– Пусть они спустят ящик в подвал. В дом они попадут через дверь под кухонными окнами. Это понятно?

– Да, а этот буфет...

– И еще одна просьба. Вам нужно достать пять крепких висячих замков. Йельских. Вам известна эта марка?

– Она всем известна. А...

– Когда грузчики закончат, они должны запереть на замок заднюю дверь магазина. Ключи от всех пяти замков нужно оставить на столике в подвале. Перед уходом они должны навесить замки на ту дверь, в которую вошли, на входную и заднюю двери, а также на дверь в гараж. Это понятно?

– Да.

– Благодарю вас, мистер Крокетт. Пожалуйста, следуйте полученным указаниям в точности. До свидания.

– Одну минуту...

Но на другом конце уже повесили трубку.

5

В две минуты восьмого большой, белый с оранжевым, грузовик с надписью «Перевозки Генри» на бортах остановился у невзрачной металлической будки в конце таможенного терминала портлендских доков. Было время прилива, и чайки, пронзительно крича, беспокойно кружили над водой на фоне багрового заката.

– Господи, да здесь никого нет! – заметил Ройал Сноу и, допив пепси, бросил пустую бутылку под ноги. – Нас тут арестуют как грабителей!

– Кто-то все-таки есть! – возразил Хэнк Питерс.

– Полицейский!

Но это оказался не полицейский, а ночной сторож, который подошел и посветил им в лицо фонарем.

– Есть среди вас Лоренс Крюкат?

– Крокетт, – поправил Ройал. – Мы от него. Приехали забрать несколько ящиков.

– Хорошо, – сказал сторож. – Пошли со мной – надо расписаться в накладной.

Он повернулся к Питерсу, сидевшему за рулем:

– Подай машину задом вон к тем воротам, где горит лампочка. Видишь?

– Вижу, – ответил Хэнк, включая заднюю передачу.

Ройал Сноу прошел за охранником в контору, где булькала кофеварка. Часы, висевшие на стене над плакатом с какой-то красоткой, показывали четыре минуты восьмого. Покопавшись в бумагах на столе, охранник нашел нужную и протянул Ройалу:

– Поставь свою подпись.

Ройал так и сделал.

– Внутри включите свет и смотрите в оба! Там полно крыс.

– Еще не видел крыс, которые бы не испугались вот этого! – отозвался Ройал и описал ногой в тяжелом ботинке дугу в воздухе.

– Это портовые крысы, сынок, – сухо пояснил сторож. – Они разделялись с парнями и покруче.

Ройал вышел и направился к воротам пакгауза. Сторож наблюдал за ним из дверей конторской будки.

– Гляди в оба! Старик говорит, что там крысы, – предупредил Ройал напарника.

– Ладно, – хмыкнул тот. – Старый добрый Ларри Крюкат!

Нашупав на стене склада выключатель, Ройал щелкнул им и зажег свет. Во влажном воздухе, пропитанном запахами соли и гниющего дерева, витало нечто зловещее, отбивавшее охоту веселиться. Да еще эти крысы!

Вид пустого склада, если не считать нескольких ящиков посередине, навевал мрачные мысли. Судя по всему, буфет находился в самом большом ящике, на котором не было, как на остальных, маркировки «Барлоу и Стрейкер. Джойнтер-авеню, 27, Джерусалемс-Лот, штат Мэн».

– Похоже, работы здесь не так много, – сказал Ройал и, достав накладную, пересчитал ящики. – Вроде все на месте.

– Тут крысы, – отозвался Хэнк. – Слышишь?

– Да. Проклятые твари! Я их ненавижу!

Они оба помолчали, прислушиваясь к пisku и шорохам в темных углах.

– Давай приступать, – предложил Ройал. – Начнем с самого большого, чтобы он не мешал разгружаться в магазине.

– Годится.

Они подошли к ящику, и Ройал, достав перочинный нож, вскрыл конверт, прикрепленный к борту ящика клейкой лентой.

– Эй, – засомневался Хэнк, – ты думаешь, что мы можем?

– Должны же мы убедиться, что это наш ящик? Если привезем не то, Ларри подвесит нас за мягкое место у себя на стене.

Он вытащил накладную.

– И что там? – спросил Хэнк.

– Героин, – с серьезным видом отозвался Ройал. – Целых двести фунтов этого дерьма! Плюс две тысячи шведских журналов с порнухой и триста упаковок французских презервативов...

– Дай-ка посмотреть. – Хэнк забрал накладную и прочитал: – «Буфет». Все так, как и говорил Ларри. Порт отправления – Лондон, Англия. Порт назначения – Портленд, штат Мэн. Тоже мне... «французские презервативы»! Положи накладную обратно.

Ройал послушался, но что-то его смущало.

– Как-то странно все это.

– Сам ты странный!

– Я серьезно! На этой штуке нет никаких таможенных отметок. Ни на ящике, ни в накладных. Ни одной печати или штампа!

– Наверное, их ставят такими специальными чернилами, которые видно только в инфракрасном свете.

– Когда я работал в порту, так никогда не делали. Господи, да они ставили печати везде, где только было место! Как бы ты ни старался, а все равно перемажешься чернилами по самые локти.

– Хорошо! Я очень рад! Но моя жена любит ложиться рано, а у меня насчет нее были планы.

– Может, стоит заглянуть внутрь...

– Еще чего! Давай хватайся!

Ройал пожал плечами. Они подняли ящик, и внутри что-то тяжело переместилось. Ящик оказался чертовски тяжелым. Судя по весу, там действительно был старинный буфет.

Кряхтя от напряжения, они с трудом дотащили его до грузовика и водрузили на платформу гидравлического подъемника кузова. Ройал наблюдал, как Хэнк управлял подъемником, и когда платформа поднялась, они оба на нее залезли и затащили ящик внутрь.

Что-то с этим ящиком было не так, и Ройал никак не мог понять, что именно. И дело было отнюдь не в отсутствии таможенных штампов, а в чем-то другом, что не поддавалось объяснению. Он подозрительно разглядывал ящик, пока Хэнк не окликнул его:

– Пошли. Надо загрузить остальные.

На всех других ящиках, за исключением трех доставленных из самих Штатов, имелись привычные таможенные штампы. При погрузке Ройал сверял их номера с указанными в накладной. Все ящики, предназначенные для магазина, они сложили в центре кузова, поближе к заднему борту.

– Кто, черт возьми, позарится на эту рухлядь? – поинтересовался Ройал, когда все ящики оказались в кузове. – Польское кресло-качалка, немецкие часы, ирландская прялка... Господи Боже, и цену наверняка заломят такую!..

– Туристы, – авторитетно пояснил Хэнк. – Туристы купят что угодно! В Бостоне и Нью-Йорке есть чудачки, которые купят даже мешок с навозом, лишь бы мешок был действительно старым!

– Не нравится мне тот большой ящик, – никак не мог успокоиться Ройал. – Ни одной таможенной отметки. Так не бывает!

– Так давай его доставим по адресу!

Обратный путь в Салемс-Лот они проделали молча. Хэнк гнал грузовик на максимально разрешенной скорости, стараясь скорее разделаться с поручением. Оно действовало ему на нервы. Как сказал Ройал, тут что-то не так.

Он подъехал к заднему входу магазина, и тот, как и обещал Ларри, действительно оказался незапертым. Ройал попытался включить там свет, но ничего не вышло.

– Хорошенькое дело! – пробурчал он. – Придется разгружать в чертовой темноте... Слушай, а ты не чувствуешь какой-то странный запах?

Хэнк потянул носом. Да, пахло чем-то неприятным, но сообразить, чем именно, ему не удалось. Сухой и едкий запах походил на гниение, и от него щипало в носу.

– Тут слишком спертый воздух, – сказал он, водя лучом фонаря по просторному пустому помещению. – Нужно просто хорошенько проветрить.

– Или сжечь дотла! – заметил Ройал. Ему снова стало не по себе. – Ладно, пошли! Постараемся не сломать себе ноги.

Они не мешкая принялись за работу: перетаскивали ящики, стараясь опускать их на пол как можно аккуратнее. Через полчаса Ройал закрыл заднюю дверь на один из новых замков.

– Полдела сделано, – сказал он.

– Осталось самое трудное, – отозвался Хэнк и бросил взгляд на Марстен-Хаус – темный и с закрытыми ставнями. – Не хочется мне там появляться, и я этого не стыжусь! Если есть на свете хоть один дом с привидениями, так это точно он! У новых владельцев явно не в порядке с головой, если они собираются там жить. Наверняка какие-нибудь педики!

– Вроде модных дизайнеров по интерьеру, – согласился Ройал. – Скорее всего собираются превратить его в достопримечательность. Хорошо для рекламы.

– Ладно, раз надо, так надо. Поехали!

Бросив последний взгляд на оставшийся в кузове ящик, Хэнк с грохотом опустил крышку крытого кузова, сел за руль, и через мгновение они уже ехали по Джойнтер-авеню, чтобы свернуть на Брукс-роуд.

Вскоре показался Марстен-Хаус, темный и зловещий. Ройал почувствовал, как от страха его прошиб липкий пот и по коже побежали мурашки.

– Господи, ну и место! – пробормотал Хэнк. – Как тут можно жить?

– Понятия не имею. За ставнями света не видно?

– Нет.

Дом, казалось, наклонился вперед и навис над ними, будто поджидая их прибытия. Хэнк завернул на подъездную дорожку и, объехав дом, подрулил к заднему входу. Они оба старались не вглядываться в высокую траву, заросли которой выхватывал из темноты прыгавший на колдобинах свет фар. Хэнк ощутил, как цепенеет от ужаса, которого не испытывал даже во Вьетнаме, хотя там почти все время чего-то боялся. Тогда страх был рациональный и конкретный: страх наступить на отравленную колючку и увидеть, как раздувается нога, становясь похожей на чудовищный зеленый волдырь; страх, что какой-нибудь туземец в черной пижаме и с непроизносимым именем снесет тебе башку из русской винтовки или что во время патрулирования какой-нибудь кретин отдаст приказ сровнять с землей деревню, где неделю назад были вьетконговцы.

Но страх, который он испытывал сейчас, был другим, иррациональным. Так, сами не зная чего, боятся дети. Дом – он и есть дом, сделан из досок, балок и гвоздей. И не было никаких, абсолютно никаких оснований считать, будто из каждой трещины сочится зло. Глупости все это! Призраки? Он не верил в призраков. Во всяком случае – после Вьетнама.

Хэнк с трудом включил заднюю передачу, и в конце концов ему удалось рывками подрулить задом к навесу, под которым находился вход в подвал. Ржавая дверь была распахнута настежь, и в красном отблеске задних фонарей невысокие каменные ступеньки казались спуском в преисподнюю.

– Черт, как же мне все это не нравится! – произнес Хэнк и попытался улыбнуться, но вместо этого только скривился.

– Мне тоже!

Они переглянулись, и даже при слабом свете приборов было видно, как им обоим страшно. Но они уже давно вышли из детского возраста и не могли сбежать, не выполнив работу, просто потому что испугались. Да и как такое будет выглядеть при свете дня? Работу необходимо сделать!

Хэнк заглушил двигатель, они вылезли из кабины и направились к кузову. Ройал открыл его и залез наверх: в пустом кузове ящик с прилипшими к бокам опилками смотрелся особенно зловеще.

– Господи, как же мне не хочется его вытаскивать! – сдавленным голосом произнес Хэнк Питерс.

– Залезай! – крикнул Ройал. – Давай с этим покончим!

Они подтащили ящик к платформе гидравлического подъемника, и Хэнк включил механизм. Когда под свист сжатого воздуха ящик оказался на уровне груди, Хэнк повернул рычаг и остановил движение. Они ухватились за ящик по краям.

– Потихоньку, – просил Ройал, пятясь задом в сторону ступенек. – Вот так... не спеши... – В красноватом отблеске задних фонарей его искаженное от напряжения лицо было похоже на лицо сердечника во время инфаркта.

Осторожно переступая, он спускался по ступенькам, чувствуя, как ящик постепенно тяжелеет и становится похожим на каменную плиту. Позднее он вспоминал, что ящик действительно был тяжелым, но не чересчур. Они с Хэнком таскали для Ларри Крокетта грузы и посолиднее, причем как вверх, так и вниз, но тут в самой атмосфере было нечто, отчего становилось не по себе и опускались руки.

Ступени оказались скользкими, и он дважды чуть не потерял равновесие, поэтому отчаянно прокричал:

– Бога ради, не спеши!

Наконец они добрались до подвала. Потолок там оказался низким, и им пришлось идти согнувшись, отчего со стороны их сгорбленные фигуры напоминали двух старых колдунов.

– Давай опускать! – задыхаясь, произнес Хэнк. – Не могу больше!

Ящик с глухим стуком коснулся земли. Переглянувшись, грузчики поняли, что по каким-то неведомым причинам они уже не просто боятся, а испытывают почти панический ужас. Подвал вдруг наполнился непонятными шорохами. Может, это крысы, а может, и нечто другое, о чем даже подумать немислимо...

Они бросились наверх: Хэнк первым, Ройал Сноу – за ним. Выскочив на улицу, Ройал захлопнул за собой дверь.

Они быстро залезли в кабину, Хэнк завел двигатель и уже начал включать передачу, но тут Ройал схватил его за руку. В темноте его наполненные ужасом глаза казались такими огромными, что занимали все лицо.

– Хэнк, мы забыли поставить замки!

Они оба посмотрели на приборную доску, где лежала связка новых замков, скрепленная проволокой. Хэнк пошарил в кармане куртки и вытащил брелок, на котором висело пять новеньких ключей: один от замка на задней двери в магазине и четыре – для Марстен-Хауса. На всех ключах были аккуратные этикетки.

– Господи Боже! – воскликнул он. – Слушай, а что, если нам вернуться завтра с утра пораньше...

– Так не пойдет, – сказал Ройал, доставая фонарь. – И ты знаешь это не хуже меня.

Они вылезли из машины и почувствовали, как порыв прохладного ветра полоснул по мокрым от пота лбам.

– Ты запри заднюю дверь, а я – входную и сарай.

Они разделились. Хэнк отправился к задней двери, ощущая, как гулко стучит в груди сердце. Просунуть запорное устройство в петли ему удалось только со второй попытки. В такой непосредственной близости от дома воздух был насыщен запахом гнилой древесины и ветхости. Хэнку вспомнились рассказы о Хьюби Марстене, над которыми они так потешались в детстве, и песенка, которой дразнили девчонок: «Смотри – Хьюби Марстен идет, сейчас он тебя заберет!...»

– Хэнк?

Он вздрогнул и выронил последний замок.

– С ума сошел – так подкрадываться? Ты что?

– Ладно. Хэнк, а кто снова спустится в подвал, чтобы оставить на столе ключи?

– Не знаю, – признался Хэнк Питерс. – Не знаю.

– Может, кинем монетку?

– Давай.

Ройал достал двадцатипятицентовик и подбросил.

– Говори, пока падает.

– Орел.

Ройал поймал на лету монету: в ладони тускло блеснул орел.

– Господи! – обреченно пробормотал Хэнк, но, послушно забрав связку ключей и фонарь, снова открыл дверь в подвал.

Он заставил себя спуститься по ступенькам и посветил вперед. Футах в тридцати виднелся еще один проход, который вел бог знает куда. Луч фонаря выхватил стол, накрытый клетчатой клеенкой с толстым слоем пыли. На столе устроилась огромная крыса, никак не отреагировавшая на появление человека. Она просто сидела на своих мощных ляжках и, казалось, даже усмехалась.

Хэнк прошел мимо ящика к столу.

– Пошла! Прочь отсюда!

Крыса прыгнула на пол и затрусила к темному проходу. Руки у Хэнка дрожали, и луч фонаря заметался по стенам, выхватывая грязную бочку, какую-то полуразвалившуюся конторку, пачку старых газет и... Слева от газет что-то светлело, и у Хэнка перехватило дыхание. Что это? Рубашка? Свернутая в ком, как ненужная тряпка? А за ней вроде джинсы. И что-то похожее на...

Сзади раздался щелчок.

Хэнк в панике швырнул ключи на стол и опрометью бросился к выходу. Проскакивая мимо ящика, он увидел, что именно явилось причиной щелчка. Одна из алюминиевых полос, стягивавших обшивку, лопнула, и теперь ее конец торчал вверх, будто некий палец указывал на потолок.

Хэнк, спотыкаясь, вскарабкался по ступенькам, захлопнул за собой дверь, дрожащими пальцами навесил замок и бегом бросился к кабине грузовика. С ног до головы он покрылся мурашками, но даже не замечал этого, дыхание было хриплым и судорожным, как у раненой собаки. Он смутно слышал, как Ройал спросил, что случилось, но не ответил и с визгом рванул грузовик с места так резко, что при повороте машина едва не перевернулась и с трудом удержалась на двух колесах. Добравшись до Брукс-роуд, Хэнк, не сбавляя скорости, погнал к офису Крокетта. А потом его всего начало трясти, причем так сильно, что он боялся не справиться с управлением.

– Что там было внизу? – снова спросил Ройал. – Что ты там увидел?

– Ничего, – ответил Хэнк Питерс, клацая зубами. – Я ничего не видел – и не хочу этого больше видеть ни за что в жизни!

6

Ларри Крокетт уже собирался запереть офис и отправиться домой, когда послышался стук в дверь и на пороге появился Хэнк Питерс. Он был по-прежнему возбужден и никак не мог успокоиться.

– Забыл что-то, Хэнк? – поинтересовался Ларри. Когда они приехали из Марстен-Хауса, на обоих лица не было, и Ларри пришлось им дать по десять лишних долларов и упаковке пива в придачу, чтобы они не особо распространялись о том, что пережили вечером.

– Я должен тебе кое-что сказать, Ларри, – ответил Хэнк. – Не могу не сказать.

– Говори, конечно, – согласился Ларри и, достав бутылку виски, плеснул в картонные стаканчики. – Что такое?

Хэнк сделал глоток, поморщился и проглотил.

– Когда я относил в подвал связку ключей, чтобы оставить на столе, я кое-что заметил. Похожее на одежду. Вроде как рубашка и джинсы. И еще кед. Мне показалось, что это был кед, Ларри.

– И что? – улыбнулся тот, пожимая плечами. Но внутри у него все сжалось от нехорошего предчувствия.

– Парнишка Гликов был в джинсах. Так писали в газете. Джинсы, красная тенниска и кеды. Ларри, а что, если...

Улыбка застыла на губах Ларри.

Хэнк с трудом сглотнул.

– А что, если парни, купившие Марстен-Хаус и магазин, пришили мальчонку Гликов? – выговорил он и опрокинул остатки виски в рот.

– Может, ты и тело тоже видел? – продолжая улыбаться, осведомился Ларри.

– Нет-нет. Но...

– Пусть с этим разбирается полиция, – сказал Ларри Крокетт. Он снова налил Хэнку виски, но уже твердой рукой и полностью владея собой. – Я сам отвезу тебя к Паркинсу. Но только... – он покачал головой, – как бы все это тебе не вышло боком. Мало ли что может всплыть... Например, о тебе и той официантке из заведения Делла... Как ее зовут? Джекки, кажется?

– Что, черт возьми, ты несешь? – смертельно побледнел Хэнк.

– И еще наверняка раскопают историю о позорном увольнении из армии. Но ты поступай как считаешь нужным, Хэнк. Это твое решение.

– Никакого тела я не видел, – прошептал Хэнк.

– Вот и хорошо, – отозвался Ларри улыбаясь. – Может, и одежда тебе тоже померещилась. А это были... тряпки! Самые обычные тряпки.

– Тряпки, – машинально повторил Хэнк.

– Ну конечно! Ты же знаешь эти брошенные дома. Там полно всякой рухляди! Может, это и правда была старая рубашка, которую порвали на тряпки.

– Наверное! – подтвердил Хэнк и снова осушил свой стакан. – Голова у тебя точно варит, Ларри.

Крокетт вытащил из заднего кармана бумажник, отсчитал пять десятидолларовых банкнот и положил на стол.

– А это за что? – удивился Хэнк.

– Я ведь так и не рассчитался с тобой за работу для Бреннона в прошлом месяце. Ты должен мне напоминать о таких вещах, сам-то я стал забывчив!

– Но ты рас...

Ларри продолжал улыбаться.

– Ты мне можешь сейчас что-то рассказывать, а завтра я уже напрочь про это забуду. Грустно, конечно, но что поделаешь...

– Само собой, – прошептал Хэнк и, неуверенно забрав деньги, сунул их в нагрудный карман джинсовой куртки, будто хотел поскорее с этим разделаться. Потом резко поднялся, едва не опрокинув стул. – Послушай, Ларри, мне пора. Я... я не... Мне пора!

– Возьми с собой бутылку, – предложил Ларри, но Хэнк был уже в дверях и не остановился.

Оставшись один, Ларри опустился в кресло и налил себе выпить. Рука по-прежнему была твердой. Раздумав уходить, он остался и продолжил пить, размышляя о сделках с дьяволом. Наконец зазвонил телефон. Ларри снял трубку и, молча выслушав говорившего, произнес:

– Все сделано.

Ларри, прослушав ответ, повесил трубку и налил себе еще выпить.

7

Хэнк Питерс проснулся на рассвете. Ему приснился кошмар. Огромные крысы выползли из раскопанной могилы, где лежало зеленоватое полусгнившее тело Хьюби Марстена с петлей на шее.

Весь мокрый от пота, Питерс, тяжело дыша, приподнялся на локтях. Когда жена случайно задела его руку, он громко закричал от ужаса.

8

Продовольственный магазин Милта Кроссена, располагавшийся на пересечении Джойнтер-авеню с Рейлроуд-стрит, был излюбленным местом сбора городских стариков, когда шел дождь и в парке было безлюдно. А в зимнее время они вообще становились неотъемлемой частью интерьера магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.